

ХМЕЛЬНИЦЬКІ КРАЄЗНАВЧІ СТУДІЇ

НАУКОВО-КРАЄЗНАВЧИЙ ЗБІРНИК

ВИПУСК 2

**Хмельницький
2015**

ТУРКИ НА ПОДІЛЛІ ОЧИМА ЮЗЕФА РОЛЛЕ: НОВІ ПОДРОБИЦІ ТА УТОЧНЕННЯ

У XVII столітті на теренах Європи, відбувались складні взаємовідносини між сусідами-державами. Розбиту чварами та протиріччями Річ Посполиту охопила громадянська війна. Безкінечні військові дії призвели до руйнування міст та сіл, занепаду землеробства, ремесел, промислів й торгівлі. Великі території Правобережної України були спустошені, а постійні здирства й пограбування населення призвели до великих епідемій, стихійних лих та голоду. Козацька еліта шукала союзників, за допомогою яких вдалося б відстояти інтереси православних Правобережжя та, можливо, думати про об'єднання всіх українських земель під владу однієї гетьманської булави.

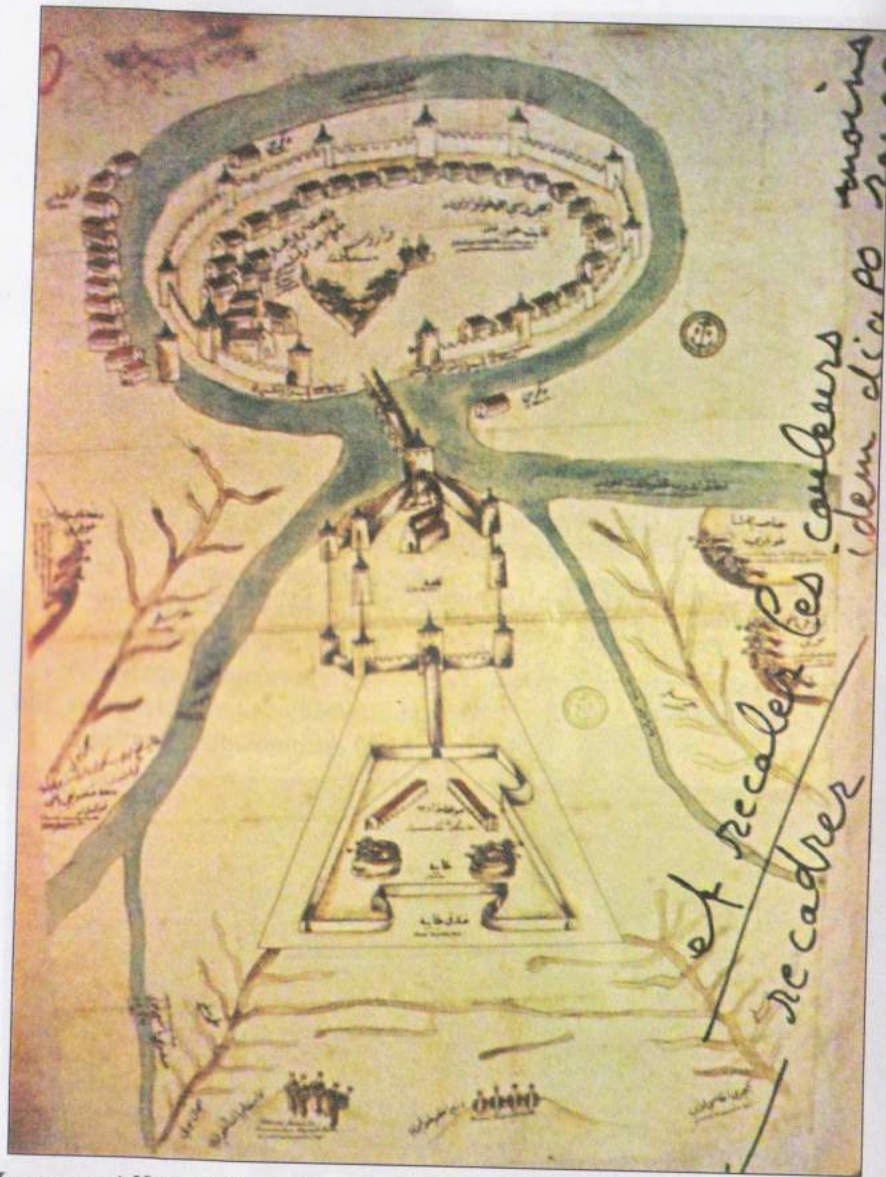
У 1664 р. подільський полковник Остап Гоголь характеризував Україну так: «кожен козак був полковник, а сотник – гетьман». На той час гетьман Дмитро Дорошенко прагнув до встановлення одноосібної влади по всій Україні. Тому, заручившись підтримкою Османської Порти, він здійснив спробу визволити українські землі з-під влади поляків [1, 402-411].

Єдиним містом, що на той час було наріжним каменем Польської корони на Правобережжі та центром просування католицизму на схід, виступав Кам'янець. Як столиця Подільського воєводства, воно вважалось неприступною фортецею Речі Посполитої і закарбувалось в очах подорожюючих як «Оплот Християнства» Європи.

З відомих джерел знаємо, що вже на початку 70-х рр. у Речі Посполитій усі розуміли неминучість військового зіткнення з Портою. Майбутнім ударом турецької армії мав стати саме Кам'янець з метою «утворення з місцевої твердині потужного політичного, адміністративно-військового й економічного осередку Османської Порти». До того у XVII ст. турки здійснювали спроби захопити Подільське воєводство. Наприклад, під час Хотинської битви 1621 р., але польсько-козацькі війська тоді отримали перемогу над військами нападника.

Однак у другій половині XVII ст. ситуація з точністю до навпаки. У 1672 р. до Кам'янця підійшло 150 тисяч турецьких вояків на чолі із султаном Магометом IV. Султан попросив здатися взамін на збереження життя для всіх мешканців та з умовою визнання міщанами влади султана.

На проведеному зборі вельмож міста у Кафедральному костелі св.Петра і Павла була дана відповідь Султану, що «всі ми в цій землі родились і цю землю ми будемо захищати».

До статті Нагнибиди Р.В.

План облоги фортифікаційних споруд Кам'янця у 1672 р. //Матвіїшин Я. Кам'янець-Подільський і Хотин на рукописних планах XVII-XVIII ст. Исторична топографія і соціотопографія України: Зб. Наук. праць. – Львів: Піраміда, 2006. – С.216-257. – С. 254.

Висловлюємо глибоку подяку Я.Матвіїшину за надану кольорову копію плану.

Кожен залишався при своїй думці. Крім того в день, коли Султан здійснивав огляд підступів до Кам'янця і вивчав оборонні укріплення міста, раптом вистрілила гармата і знищила кам'яним ядром намет, де розміщувались покої султана. Це він згодом побачив і дав вказівку на початок воєнних дій.

Джерела повідомляють, що оборонці міста сподівались на підмогу військ із Варшави, але так і не дочекались її.

Як з'ясували дослідники, які проводили археологічні дослідження та археологічний нагляд у 2007-2010 рр. на 22 ділянках, де здійснюється відбудова втраченої житлової забудови, переважна частина виявлених археологічних предметів походить з кінця XVII ст. Вони відносяться до періоду другої війни Речі Посполитої з Османською Портою, що розпочалась 1672 р. [2]. Припускаємо, що бомбардування міста здійснювалось найдосконалішими на той час гарматами, які виготовлялись у Франції та які були на озброєнні в турецькому війську.

Після кількадевного бомбардування місто не здавалось. Значна кількість фрагментів пізньосередньовічної кераміки та варених кісток свійських тварин, що виявлена на ділянках, де автор статті проводив археологічні дослідження, свідчить про поступове зменшення запасів провіанту у місті [3]. Та остаточну крапку у протистоянні поставили підкопи під Новий замок і закладення в цих тунелях мішків із порохом.

В архівах Парижу зберігається оригінал карти, на якій зображено план і заходи задля успішного штурму турецькими військами Кам'янця. Це – єдина мапа, яка може свідчити про загальну техніку наступу на оборонні укріплення міста (на вкладці). Через таємні підкопи під вали Нового замку турки оволоділи ним і змусили польські війська покинути раніше зайняті позиції та перейти до Старого замку.

Як вважають історики, цей період в історії битви став переломний. Припускаємо, що із того часу турки призупинили обстрілювати місто, зосередивши увагу лише на Старому Замку [4, с.414].

В ході бойових дій на дев'ятий день облоги Кам'янця 27 серпня польський загін Володимерського під натиском турецької армії капітулював. Але в той час, коли турки входили до міста через Руські ворота, у замку трапився вибух. Припускають, що майор Геклінг спустився у підвали Чорної башти і підірвав провіант, який залишився в оборонців.

Досі ніхто не знав, який вигляд мала башта Чорна та укріплення замку між баштою Папською та Новою східною [5].

Вигляд тогочасної столиці Подільського зберіг для нащадків вояводства Кипріяна Томашевича, можливо, інженер за фахом. Після поразки польських військ, як один із керівників оборони міста, він виїхав із Кам'янця [6].

Томашевич зафіксував події вересня 1672 р. на мідьориті, що вважається найвідомішим джерелом для вивчення середньовічного Кам'янця [7]. Автор досконало зобразив оборонні споруди, церкви, костели, будинки, вулиці, майдани, річку з каньйоном, що оперізує місто.

На гравюрі позначив і ділянки, через які турки ввірвалися до Горнверку (друга назва Нового замку), а в Старому замку – місце, де, за описами мемуаристів, загинув польський лицар Володимерський (Рис. 1-2).

Нещодавно у Головному архіві Варшави Актів давніх, автор цієї статті віднайшов план Кам'янця-Подільського, про який із українських істориків досі ніхто не писав [8]. Не зрозуміло, чому і польські дослідники не виявили його раніше?

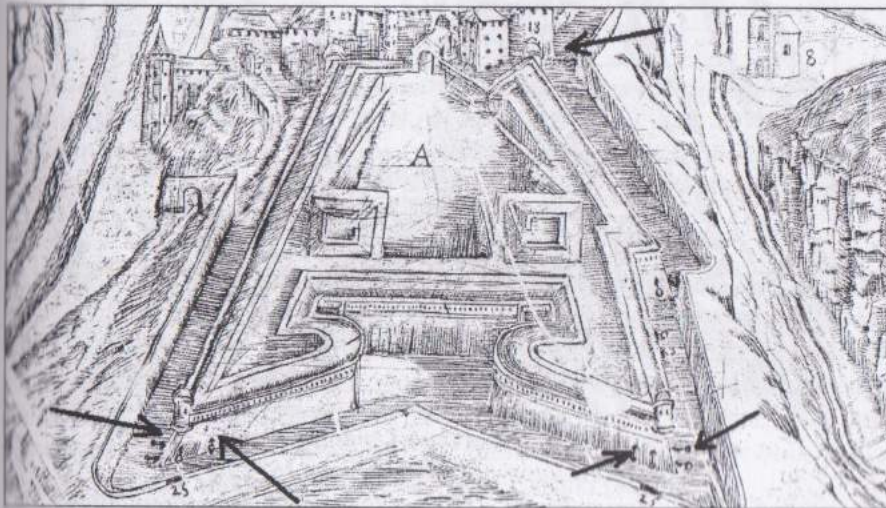

Рис. 1. Вид Нового замку у 1672-1673 рр.

Гравюра Кипріяна Томашевича. 1673 року.// www.polona.pl/item/404622/0/

На плані вказано стрілками ділянки кам'янецького Нового замку (напівбастіон св.Юрія та напівбастіон св.Михайла) і Старого замку (башта Нова західна), під які турки здійснили підкопи та заклали у них міни.

Зображення на ньому Старого та Нового замку кардинально змінює уявлення про події, що розгортались у вересні 1672 р. Зокрема, там видно, що біля входу у замок знаходилась велика двоповерхова будівля з вікнами та аркою зліва, через яку можна було зайти в твердиню. Найімовірніше – палац коменданта, що існував між підірваною Чорною баштою та баштою Папською (Рис. 3). Як відомо з джерел, згодом під завалами знайшли тіло Міхала Володимерського і поховали у одному із костелів [8].

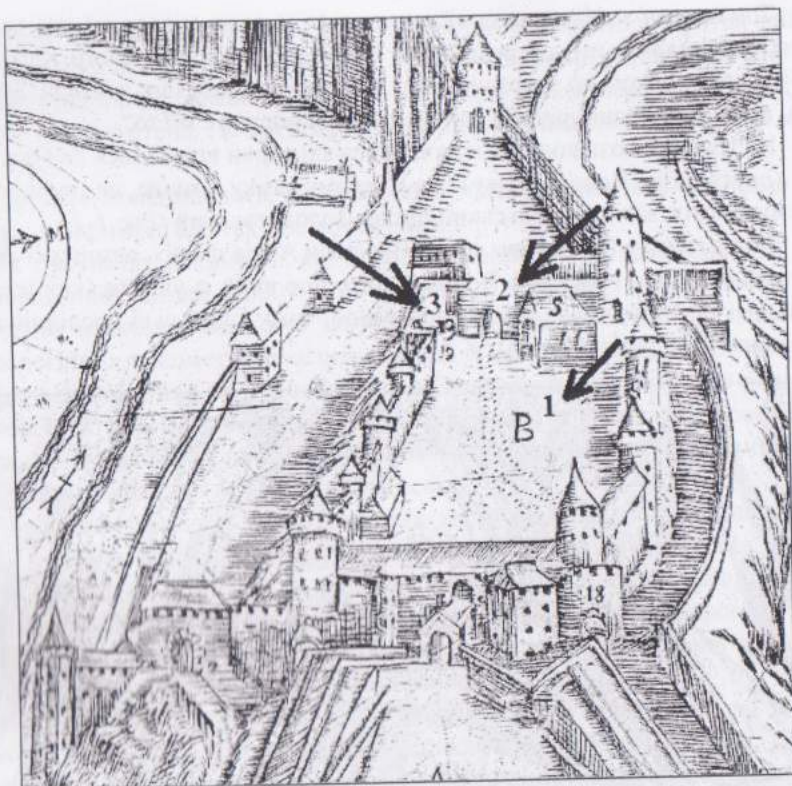

Рис. 2. Кам'янецький Старий замок після взяття його турками у 1672 р.

Гравюра Киріяна Томашевича. 1673 рік // www.polona.pl/item/404622/0/

Експлікація. 1. Пуста ділянка, де існувала церква св.Покрови, в якій, за припущенням істориків, поховані засновники Кам'янця литовські князі Коріатовичі. 2. Пуста ділянка, де існував великий палац коменданта замку, що розібраний турками, українцями та козаками після його руйнації. 3. Пуста ділянка, де існувала башта Чорна, на якій загинув пан Єжи Володисевський.

Оскільки 1657 р. поляки та вірмени, спалили квартал русинів і вигнали їх з міста, після захоплення Кам'янця турки випроваджували кривдників своїх союзників козаків та русинів з міста під супровід оркестру [8].

З того часу аж до початку ХХ ст. у Польщі співали пісню:

*«Pod Kamieńcem pod Podolskim
Stoi Turek ze swym wojskiem!»* [9, s.127].
(Під Кам'янцем під Подільським
Стоїть турок зі своїм військом!)

Рис. 3. Фрагмент Кам'янецького замку на виявленому автором плані міста другої пол. XVII ст.// AGAD. PL_1_444_407_001.

Експлікація. 1. Церква св.Покрови, де були поховані литовські князі Коріатовичі, що надали міщанам міста у 1374 р. грамоту на самоуправління руською мовою. 2. Палац коменданта замку. 3. Чорна башта.

Недостатнє вивчення українськими істориками архівів Туреччини (через специфіку мови і обмежене державне фінансування наукових досліджень) не дозволяє краще дослідити цей важливий період вітчизняної історії. Значно більший досвід у цьому напрямку мають польські колеги. Наприклад, на основі кількох дефтерів (докладний перепис провінції) Кам'янецького еялету польський дослідник Даріуш Колодзейчик захистив докторську дисертацію та видав монографію [12].

У Варшаві, в палаці Красинських, де розташований відділ рукопису бібліотеки Народової, ми нещодавно виявили переклад російською мовою статті зnanого популяризатора історії подільського краю кінця ХІХ ст. Юзефа Антоні (Аполінарія) Ролле про перебування Кам'янця у складі Османської імперії. Оригінал статті польською мовою, як відомо, був опублікований у тритомному виданні «Замки Подільські на Волоському шляху» [11]. Поки що достойно не встановлено: чи текст переклав на російську особисто лікар-краєзнавець, чи то зробив хтось інший? Гадаємо, тритомне видання планували видати у російському варіанті, але справа до того не дійшла, а текст загубився серед багатьох інших чернеток плодovitого автора.

Досліджуючи автобіографію Ю.Ролле, С.Баженова вказує у своїй монографії, що В.Гульдман, аналізуючи матеріалам про замки, писав: «Самою кращою працею, в розумінні деталей і ґрунтовності дослідження, є в даному випадку праця покійного д-ра Й.Ролле «Zameczki Podolski», і

میمоволі, доводиться жалкувати, що до цього часу це видання не перекладено на російську мову» [12, с.104].

Подільський історик М.Яворовський констатував: «з історичних праць доктора Ролле, найближче відношення до Кам'янця-Подільського мають «Замки подільські», де детально викладена історія міста. До недавнього часу (до видання історії Кам'янця російською мовою Ю.Сіцінським) твори Ролле були єдиним докладним дослідженням з історії Кам'янця» [13, с. 187].

С.Пламеницька та Л.Крошенко на початку 70-х рр. ХХ ст. під час історико-архівних пошуків, пов'язаних з реставрацією забудови середмістя Кам'янця-Подільського, виявили у Львівській науковій бібліотеці ім. В.Стефаника рукопис під назвою «Kamieniec Podolski. Szkic historyczny przez Józefa Aroliniego». Пізніше його частково опублікувала донька Євгенії Михайлівни – Ольга Анатоліївна Пламеницька [14].

Розуміючи низький загальний рівень знання польської мови серед поляків і бажання краще пізнати рідну історію, ми вирішили запропонувати широкому загалу виявлену російську версію тексту, відредагувавши її під сучасний правопис. Також задля повнішого пояснення окремих епізодів тексту, які не були відомі автору статті у другій половині ХІХ століття, подаємо історичні факти в інтерпретації сучасних науковців.

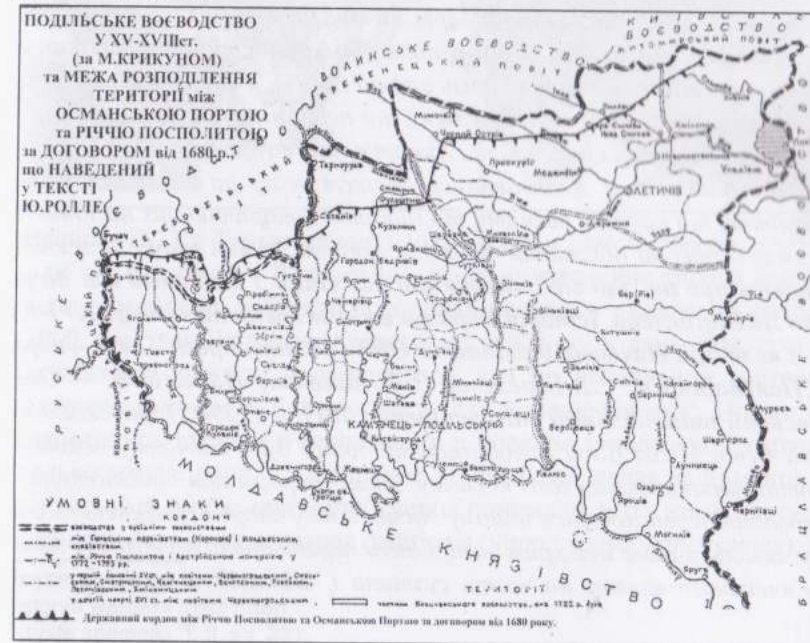
Особлива подяка кандидату історичних наук Одеського Національного університету імені І.І.Мечникова Олександрю Середі за мемуарні спогади графа де Ла Магделена (Le C[omte] De La Magdeleine), фрагменти якого використано у коментарях.

Джерела та література:

1. Смолій В.В. Степанков. Петро Дорошенко. Політичний портрет: наукове видання. – К.: Темпора, 2011. – С. 402-411.
2. Шевченко Д. Нагнибіда Р. Нові археологічні матеріали за результати архітектурно-археологічного нагляду та археологічних досліджень у 2004-2010 роках на території НІАЗ «Кам'янець». Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2012. Вип.16. – Кам'янець-Подільський, 2012. – С. 353-366.
3. Нагнибіда Р. Архітектурно-археологічне вивчення середньо-вічної забудови південних кварталів Кам'янця-Подільського на прикладі будинків по вул. Довгій 15, 15 а/ Матеріали ХІІІ Подільсько-ї історико-краєзнавчої конференції (18-19 листопада 2010 року) [присвяченої 80-річчю від дня народження І.С.Винокура] / Завальнюк О.М. (голова), Войтенко В.І. (співголова), Баженов Л.В. (відп. редактор) та ін. – Кам'янець-Подільський, 2010. – С.173-181.
4. Пламеницька О. Castrum Camenecis. Фортеця Кам'янець: (пізньоантичний – ранньомодерний час) / Ольга Пламеницька. – Кам'янець-Подільський: ФОП Сисин О.В., 2012. – 672 с.
5. Relacja o upadku Kamieńca r.1672 I ostatnich czynach p. Jerzego

Wołodjowskiego przez IMCI pana Stanisława Makowieckiego stolnika Laticzowskiego. AGAD. – Zb. Branickich z Suchei. Nr 168/199.

6. Гравюра Кипріяна Томашевича. 1672 року. www.polona.pl/item/404622/0/
7. AGAD. PL_1_444_407_001.
8. Шпильова В. Загадка башти Чорної // Голос України. 28 листопада 2013 року. № 224-225.
9. Derdej P. Kamieniec-Podolski 1672. Bellona: Warszawa, 2009. – 179 s.
10. Kolodziejczyk D. Podole pod panowaniem tureckim: Ejalet kamieniecki 1672-1699. Warszawa 1994. Oficyna Wydawnicza Polceek Polskiego Czerwonego Krzyża. Wydanie I. – S.106-208.
11. Dr.Antoni J. Zameczki Podolskie na kresach multańskich.T.I. Kamieniec nad Smotryczem. Wydanie drugie i powiększone przez autora. – Warszawa: Kraków, 1880. – S. 131-174.
12. Баженова С.Е. Юзеф Антоній Ролле: життя, діяльність, творчість. Вид. друге, доповнене, перероблене.) – Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський державний педагогічний університет, інформаційно-видавничий відділ, 2002. – 180 с.
13. Баженова С.Е. На шляху реалізму. Історія України у творчості представників «української школи» в польській літературі 40-90-х років ХІХ століття. – Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський державний педагогічний університет, інформаційно-видавничий відділ, 2006. – 258 с.
14. Пламеницька О. Невідома монографія Юзефа-Аполінарія Ролле з історії Кам'янця на Поділлі // Памятки України: Історія та культура. – 2000. – № 3-4. – С.57-61.

KAMIENIEC PODOLSKI POD WŁADZĄ TURECKĄ
W LATACH 1672-1699 (РОСІЙСЬКОЮ МОВОЮ)
(З СУЧАСНИМИ УТОЧНЕННЯМИ,
КОМЕНТАРЯМИ ТА ІЛЮСТРАЦІЯМИ)

Отношение Речи Посполитой к новому завоевателю было вовсе не дружественно; турки зная, что занятие Каменца будет дорого стоить, что польское дворянство не позволит безнаказанно отнять этот истинный перл короны Пястов, стали думать о надлежащем укреплении главного города воеводства, чего и достигли в продолжении первых шестнадцати месяцев, то есть в период времени от занятия Подолии до хотинского сражения.

Прежде всего турецкий комендант занялся очисткой города; до сих пор тут властвовали гяуры (так турки называли христиан), народ проклятый, нужно было уничтожить следы его существования. Поэтому наскоро убрали мусор, выбросили кости, покоившиеся на костельных кладбищах и сняли со священных мест кресты. (Упор.: – Французский дипломат так описує ці події: «Після наказу, відданого стосовно мечетей, [турки] почали нищити вітарі і ікони і викопувати моці, щоб викинути їх на звальище, а їх попіл пустили за вітром. Турки говорили, що опоганили би свою молитву, здійснюючи її на костях одного з гяурів або християн; у францисканській церкві декілька яничарів викопали тіло шляхтича, вбитого під час облоги та протягли його подвір'ям монастиря, простромивши палкою так, що вона ввійшла крізь задній прохід, з вийшла з іншого боку – через рот. Настоятель сказав мені, що перш ніж померти, бачимо, як мертві воскресають і постають. Ахмет паша, головний скарбник считав мене, що той сказав, і, дізнавшись, звернув увагу на цю сцену, якої він не помітив, та наказав вигнати та піддати покаранню цих негідників. Я отримав дозвіл на поховання тіла цієї людини, знаної мною за життя». («Оповідь про те, що відбувалося під час війни з Польщею аж до року 1676» Ла Магделена. Історія України в книжкових пам'ятках XVI-XVII ст.: з колекції Наукової бібліотеки ОНУ: зб. наук. праць / авт.-упоряд.: О.В.Полєвицькова, Є.В.Бережок, О.Л.Ляшенко, Наук. б-ка. – Одеса: «Одеський національний університет», 2011. – С.29)/ Припускаємо, що це міг бути Міхал Єжи Володєвський, якого було спочатку поховано у криптах Францисканського костелу.

замовив
факти
тестами, бурго
фортеця

Потом новые хозяева занялись украшением главного города ново-приобретенного пашалыка. В половине декабря 1672 года крепость была исправлена. «Старый замок, – пишет известный корреспондент, – порохом розрушенный нашим, тепер totaliter (полностью) воздвигнут с двумя крепкими башнями»¹.

Весною 1673 г. Турки занялись укреплением самого города, в чем помогали им французы². В половине июня «укрепление города было совершенно окончено, работали поспешно, на работу ежедневно выходило по 2000 крестьян, которым платили по золотому в день. Эта крепость так снабжена оружием и провиантом, что по наполнении костелов и некоторых домов, нет больше места для помещения их»³. Новые хозяева заботились также и о приведении в порядок города: они разрушали не только ветхие дома, но и крепкие деревянные, желая из Каменца сделать каменный город: «жители Каменца понимали, что с ними поступают так, как они отдали от договора deditionis (упор.: здача, капітуляція), пока

¹ Ojzyste spomniki. T. II. str. 194.
² Historia warowni (patz niżej).
³ Ojzyste spomniki. T. II. str. 231.

султан оставался по этой стороне Дуная: им спускали, но как только он переправился на ту сторону, а им оставили очень злого и горячего губернатора, делаются притиснения и опустошения, так что теперь страшно смотреть на Каменец. Строения, разрушая, сжигают, а основывают только каменные и мечети»⁴. Источники, которые мы имеем под рукой, позволяют нам полагать, что новые завоеватели считали город за склад военных орудий, за штатную станцию на пути в Европу, о завоевании которой еще тогда мечтали. Однако воспоминания о прошлом возбуждали в турках сильную ненависть, они относились к нему (Каменцу) с неумолимым вандализмом. Прежде всего они взялись за святыни. Мы раз уже упоминали, что католикам и армянам они оставили по одному костелу, а русинам над самую рекою три церкви, из которых одна только уцелела⁵; но не дозволили употреблять колокола, так что не было чем звонить: «большой колокол – пишет современный обыватель – находится на приходском кладбище, а также русские и армянские колокола, вместе снятыми с крестами. Духовным причиняют большие обиды в храмах и на базарах. Султан дал год свободы, а между тем всякий день вымышляют новые обиды и притеснения. Бедные люди не имеют возможности жить. Много подобных производится притеснений и обид и все это от жидов и липков»⁶. Это письмо писано 16 февраля 1673 г., а спустя два месяца львовский поствагистрат Живерит (Zywert) доносил, что колокола забрали козаки, остался только один кафедральный: «Есть – говорит он – *quid curiosum* (упор.: *ретьельний, турботливий*) в Каменце: когда хотели вывезти большой колокол, подаренный Дорошенко, три телеги, приготовленные под него, сломались одна за другой; и должны были оставить его, считая это за волю Божью»⁷. Но это не все, бедные христиане испытывали еще большие унижения: по приказанию паши ксендзов били палками: «приходской ксендз Матфей (Macieja) (кс.Шорниль? (Szornnil?), творивший большие scandala (скандалы), получил сто палок в пятки», пишет какой-то мещанин⁸); не понимаем, какое значение должны были иметь эти scandala (скандалы)? Потом власти велели сторожам отставшихся храмов показать количество находившегося в них серебра. «Армяне откупились от ревизии 2000 талеров, (упор. – *в друкованому польською мовою тексті 200 талеров*), обязавшись представить описание; Русь сделала тоже»⁹.

От храмов перейдем к мещанам. Дворянство и духовенство, оставив (упор.: *оставили*) город тотчас по взятии его, а бедняки убогие остались.

⁴ Ojzyste spomniki. T. II. str. 199, list ze Zwańca.

⁵ Jerlicz, Latopisiec. T. II.

⁶ Ojzyste spomniki. T. II. str. 200.

⁷ Ojzyste spomniki. T. II. str. 204.

⁸ Ojzyste spomniki. T. II. str. 244.

⁹ Ojzyste spomniki. T. II. str. 230.

Оставив (упор.: *оставить*) их – было в интересах турецкого правительства; но так как их часто беспокоили, то, кто мог, тайно уходил из города. За перекупчика, имевшего купеческий патент, отвечали ...: и сажали в тюрьму, и свободу можно было выкупить только за большую сумму. У одного жителя найдено было «на несколько сот гривен обработанного золота» (упор.: *в тексті – срібла*), принадлежавшего одному из костелов, но так как все богатства здешних костелов должны были быть переданы турецкому правительству, то золото взяли; временного же владельца «хотели взять на *quaestio* (упор.: *гвалт*) и он приплатил 200 талеров». Такие наборы повторялись очень часто и под разными предложениями. Например, турки своею щедростию развели в Каменце безмежное множество собак, так что человеку страшно было на улицу показаться. Велено было истребить их христианам; но последние откупились от этого позора 30 талерами (левами)¹⁰. Но самым большим преступлением, по турецкому закону, была привязанность к Речи Посполитой; кто не мог ее скрыть, тот погиб наверно. «Польского войта – писали в 1673 г. из Каменца – взяли под арест за то, что будто он часто писал к полякам. Жизнь его висела на волоске; тогда он заплатил 88 левов и 10 гривен серебра. Для спасения его жизни много сделал войт армянский. Он выдан был жидами, от которых всё узнают. Запретите, ради Бога, на время путешествовать Жидам»¹¹. Нужно признать, что турецкая полиция была вовсе не хуже, система шпионства была в большом развитии и введена даже с большим знанием дела. Речь Посполитая также имела шпионов, но турки в этом отношении стояли выше. Мусульмане, например, гораздо лучше знали, что делается в Польше, чем мы их действия. Правда, им помогали Липки (Быковский (Bykowski), Адамович (Adamowicz) и жида. «Что делается в Польше, сколько войска было у нас в прошлом году и сколько теперь есть – все турки знают. Об этом извещают их жида из Польши», пишет воевода Серадский (sieradzki)¹². А в другом месте Буркулаб Черняховский (Burkulab czerniechowski) доносит гетьману пред хотинским сражением: «Если имеете желание ударить на турецкие войска, то нужно это сделать осторожно и с большою силою, так как эти войска огромны. Много шпионов бывает ежедневно в польском войске, большею частию жида и армяне, а также иные обарсуманившиеся люди из Каменца. От них турки будут знать даже час в котором польское войско тронется с места»¹³. За Липками и жидами (упор.: *в тексті израелитач*) следуют польские ренегаты, может быть еще более опасные, как лучше знающие положение дела. Особенно два заслужили вечное пятно позора в потомстве: Патушинский (Potuszyn-

¹⁰ Ojzyste spomniki. T. II. str. 207

¹¹ У чернетці посилання не вказано. У друкованому варіанті. I. С. Т. II. str. 213.

¹² Так само. У друкованому варіанті L. С. Т. II. str. 218

¹³ Так само. У друкованому варіанті L. С. Т. II. str. 247.

ski), шляхтич «потурмак» (poturmak), – как называет его современная корреспонденция, человек способный; жаль только, что свои способности он употреблял на иное дело. В самое трудное время для края он появляется в Польше с предложением воспользоваться слабостью Турции и отнять Каменец (в марте 1673 г.) Вероятно, это было приниженная (специальная) ловушка, приготовленная самими турками; но Синицкий (Silnicki), котрому попалась эта птица, знал толк в крашенных лисицах, задержал молодца и отдал в верные руки львовского старосты. При допросе оказалось, что Потушинский «несколько раз был в Польше, в Кракове и, пред приходом турецких войск, в Каменце; а потом его видели в турецком войске в чалме; он был очень зол на христиан и Богушову хотел иметь жену¹⁴. Что случилось с Потушинским потом, не известно; но следует полагать, что при этих шутках он не вышел сухим. Другим потурмаком был Даровский, когда-то наш переводчик при нашем посольстве в Царграде Константинополе, и потом «продавшийся» туркам. Он-то сообщил падишаху «о большом недостатке хлеба в Польше, по причине которой у нас останавливаются (procrastinantur) (упор.: *дела*), – очень вслед войска, хотя Речь Посполитая говорила об этом секретно; – о conjunctej христиан и т.д.¹⁵. Современная корреспонденция, говоря об этом Даровском, как о большом злоумышленнике, знавцем наших тайных дел.

Легко понять, что при таких обстоятельствах не весело было жителям Каменца. Армяне очень ловко, по крайней мере сначала, скрывали свои симпатии к Польше; потому их считали не опасными. Русские составляли низшие сословие и потому не допускали, чтобы они могли вредить, тем более, что Дорошенко много наговорил туркам о племенной ненависти двух народов. Поэтому епископ восточного вероисповедания Шумлянский (Szumlanski) бывал в Каменце, даже с большими почестями был принимаем пашой, возил к атаману «от кого-то письма, в которых будто бы говорилось о conjunctio (упор.: *союз*) христианских владельцев и дружбе самого хана¹⁶. Потом имел прошение от атамана; как приятель турок, был везде, все видел, потому что этого требовали интересы возлюбленной Польши¹⁷. (Что касается поляков, оставшихся в Каменце, то им Галиль-паша вовсе не верил, но до времени терпел и воспользовался первой возможностью,

¹⁴ Так само. У друкованому варіанті L. C. T. II. str. 202.

¹⁵ Ojzyste spomniki. T. II. str. 227.

¹⁶ У чернетці посилення не вказані. У друкованому варіанті L. C. T. II. str. 246.

¹⁷ Владыка поучился этой двуличной роли начал тому несколько лет, потому что еще в 1670 г., будучи послан с Белевским на Острожскую комиссию (между Речью Посполитой и козаками), он хотел на эту комиссию привлечь духовенство (несоединенное) и с той целью проезжал по местечкам и возбуждал народ против Дорошенка; тогда этот последний выслал своих козаков, которые схватили его в Могилеве над Днестром и привели в Чигрин, откуда однако он скоро освободился. (Вест. зап. России 1867 г. № 5, отд. 2, стр. 118).

чтобы сбыть с рук ненавистное мещанство. В начале октября сгорело в городе несколько десятков домов: поляки зажгли! – закричали турецкие власти и потому сей час-же несколько сот их было выслано на жительство в Хотине «и два ксендза с ними». Но и Хотин не пользовался милостью турецких властей, потому что еще в январе того же года, заняв его, «от валахов отняли хорошую, разрисованную, с пожертвованиями на ежедневное богослужение, церковь и поселили в ней 200 янычар. Господарь, выкупая свою бедную резиденцию в Хотине, чтобы иметь возможность отправиться в Яссы, принужден был дать каменецкому губернатору 3000 талеров¹⁸. Из этого видно, что и валахам досталось от могущественного подольского губернатора.

Но мерою, которою бедные жители Каменца припасли свои надежды на будущее, было обращения турецких властей с львовскими заложниками, содержащимися в Каменце. Известно, что Львов осажденный Галиль-пашой и татарами, после взятия крепости, дал выкуп неприятелю: жители обовязались выплатить победителям 80.000 талеров; но так как разрушенный город не имел в наличности столько денег, то выплатил только 20.000, а остальные обещали доставить потом. Однако до времени уплаты долга дал 8 заложников (двух ксендзов, двух армян, двух поляков, и двух жидов) и эти заложники содержались в Каменце. В половине декабря 1672 г. о них писали: «если немедленно не будут уплачены деньги; то в скором времени русские обыватели не будут иметь вольностей¹⁹, потому что их дело выкупить несчастных, так как они владеют большими богатствами, а могущество ничего не имеет. Затем, спустя несколько дней, новое письмо во Львов: «остающиеся в Каменце заложники пишут, что если в продолжении месяца не будут уплачены туркам деньги, то им уже показывали палки и цепи, которым их будут потчевать. Просят Речь Посполитую, на милость Бога, помочь в этом выкупе, потому что иначе они погибнут и понесут позорное supplicium²⁰ (упор.: *виконання, страта*)». Наконец в январь 1673 Галиль-паша, прибыл в завоеванный город на постоянное жительство, приказывает немедленно привести к себе заложников. Привели несчастных, скрученных янычарами и толпой народа, на площади вписали их имена и фамилии в реестр; «потом комендант изволил спросить, получают ли они от казначея провизию? Они отвечали «что мало: ежедневно получали 9 фунтов мяса, 7 хлебов, 3 свечи и за все время три воза дров. Потом велено было дать им дом *cum precotione*, чтобы лучше было жить²¹. Эта милость продолжалась однако лишь несколько месяцев, потому что уже в мае доносят из Каменца: «с нашими бедняками

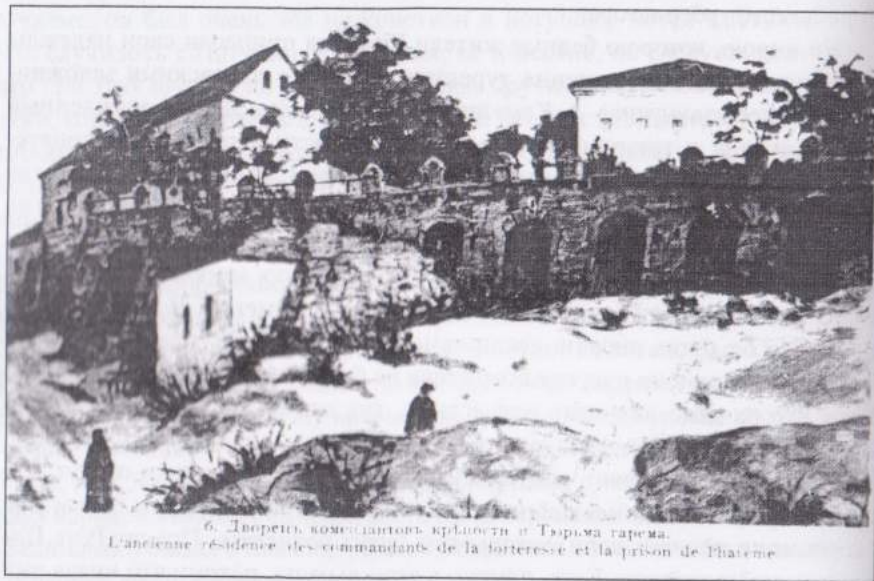
¹⁸ Ojzyste spomniki. T. II. str. 197.

¹⁹ В чернетці посилення відсутні. В друкованому тексті. L. C. T. II. str. 194.

²⁰ Так само. - str. 195.

²¹ Так само. - str. 196.

стали жестко обращаться и уже не дают освещения»²². А спустя несколько дней: «Львовские заложники находятся тепер in strictissimo carcere (упор.: у найтіснішій кам'яниці), в одной маленькой комнатке, в которую сквозь проникают только через небольшое отверстие»²³. В мае католикам запрещено было видаться с ксендзами, только русское и армянское духовенство имело к ним доступ. Потом, по мере приближения времени войны, турецкие власти делаются мягче; «не так варварски, как прежде, обращаются с заложниками, – знать и в Каменце беспокоятся»²⁴. Только в половине 1674 года несчастные были освобождены, после того как выдержали двухлетнее заключение.

6. Дворец комендантов крепости в Турьма гарема.
L'ancienne résidence des commandants de la forteresse et la prison de Phateme

(Упор.: – Львівські історики, досліджуючи цей період, з'ясували у листі Яна III Собеського від 15 березня 1677 р., що «львів'яни заплатили 116 636 злотих і 1 гріш. У заручники до турків зголосились 75-річний бургомістр Львова Бартоломей Зиморович, львівський райця Ян Гонсьорек, лікар Анджей Шимонович. Зголосився піти у неволю львівський лавник Ян Студницький, але магістрат відхилив його пропозицію, через поважність його віку. Тому він відправив свого сина. Далі за жеребом у неволю пішли книгар від польської громади Анджей Добжиський та Едвард Ненке-Менке, від вірмен – Габріель Бенатович та Якуб Яськевич, від українців – Стефан Лавришевич та Петро Афендика. Ще був один чоловік імя

²² Ojzyste spomniki. T. II. str. 198.

²³ В чернетці посилання відсутні. В друков. тексті. Л. С. Т. II. str. 214.

²⁴ Так само.- str. 246.

якого історія не зберегла. У заручники пішов Ян Чехуцький. Від сврейської громади було визначено двоє осіб, але їх імена також невідомі. Добровільно до заручників приєдналися українець Яків Нирка та поляк Францішек Чехуцький. Зауважимо, що Францішек перед облогою Львова повернувся із навчання із Падуї, де отримав фах лікаря і щойно одружився із Анною Анчевською, донькою заможного та відомого купця. Звільнені вони із полону через вісім років, а не через два, як пише Ю.Ролле. Спеціальним рескриптом від 19 лютого 1675 р. Ян III Собеський звільнив їхніх друзин, що залишились у Львові, від сплати всіх податків. А.Козицький. *Військова історія Львова*. Львів. 2014.- С. 261-262).

Теперь поговорим о турецком правительстве. Главным начальником крепости был комендант, de facto (упор.: насправді) и правитель всего подольского воеводства, преднепровской Украины и Валахии, неограниченный господин над жизнью и смертью жителей, оставшихся в его пашалыке. Мы уже знаем, что Магомет IV назначил на эту должность Галиль-пашу. Это личность замечательная во всех отношениях. Больше всего он любил военное дело, отличался при осаде Каменца, потом в походе на Львов; дал доказательства храбрости и осторожности, в награду за что получил коменданство; желая укрепиться на должности, поехал в Стамбул, показал важность занятого места; убедил, что только он один как хорошо ознакомивший с местностью, в состоянии выполнить принятую обязанность; а получив от падишаха неограниченную власть, которой с таким усердием домоглася, наконец торжественно въехал в Каменец в январе 1673 г. Христине не любили его: в их кругу он приобрел себе имя «злого и безчеловечного губернатора». Этот человек был с образованием, из-за которого выглядело восточное варварство. Так, например, он осведомлялся у львовских заложников о сделанном им же, улучив по возможности их положение; а за стенами города покровительствовал разбойникам Липкам и щедро платил за польские и русские головы. Он любил пышность, окружал себя двором, жил в старом епископском доме, на месте которого тепер стоит здание дворянства; слугами его были иностранцы, лакеями – только из неліцев (упор.: безпринципних космополітів), которые часто уходили в Польшу. Должность драгоманов исполняли Армяне; Французы призывали под его надзором инженерные работы и он за ними зорко присматривал, как бы предчувствуя, что после каждого погрома Турки здесь найдут безопасное убежище. Как турецкий патриот, он истреблял все неприязненное исламу, вовсе не обращая внимания на средства; кроме того он хорошо понимал, что Каменец, прославившись торговлею, может сделаться главным рынком местных турецких продуктов. Он покровительствовал земледелию и заохочивал поселян возвратиться, с условием, чтобы признали новый порядок и новое правитель-

ство. Может быть земледелие даже хорошо бы развивалось, потому что бы в апреле 1673 г. «мужики начали собираться в окрестностях Каменца, но без скота»²⁵, так-как они боялись разбойников Липков – и не без основания. Поэтому на пространстве целого турецкого захвата, известная плодородием, почва Подолии поросла сорными травами, только часть её, между Каменцем и Жванцем, засеивалась кукурузой; в других местах гла-зам представлялась печальная степь, покрытая исполинским бурьяном! За такие услуги, Галиль-паша, уже в начале своей службы, получил самую высшую должность: «in vim (упр.: в силу) награду за то, что он остается в Каменце, присланы указы (пишет Живерт (Żywert), что имеет быть grimo между всеми пашами и чем-то большим, чем паша», но однако был оставлен при Каменце»²⁶. Чрез два месяца (в июне 1673 г.) Гусейн-паша должен был занят его место, но это ему не удалось; он остался до конца в скромной роли командующего в лагере под Хотинном, которую потом так дурно выполнил.

Галиль-паша зорко следил за Дорошенком, котрому не доверял. После козацкого атамана безперестанно скакали в Каменец, обманывая народ, что ездят сюда желая забрать костельне колокола в Украину»²⁷; в действительности же дело шло о подкреплении против России, которая вытесняла казачество из приднепровской Украины. Подкрепление шло, но как это счастья не было; атаман подался и тогда образовалось вместо гетьманщины это сарматское княжество, таким же, если не выдумка паши, то его любимое дитя. Он имел в виду и молдаво-валашских воевод, знал их отношения к Речи Посполитой и предчувствовал измену; однажды даже чуть не привлек обоих в Каменец; потом советовал Дивану призвать их в Константинополь и там задержать; дело оттягивалось, а находчивость этих господ под Хотинном как нельзя более оправдала его пред-смотрительность. – На основании вышесказанного, каждый согласится, что Галиль-паша был из числа самих опаснейших для нас неприятелей и на наше несчастье, много долгих лет управлял этим краем. Наверное не знаем, но нам кажется, что здесь он и умер около 1690 г. Он выдержал осаду Каменца Якобом Собеским, судил и Юрка Хмельницкого в здешней ратуше, соорудил турецкий мост, украсил любимый доминиканский костел великолепной кафедрой.

После Хотинского сражения завоевательную политику он переменял на оборонительную, готов был отказываться от всей Подолии, только бы удержать Каменец, и доказал свое: турецкое правительство поступало по его мыслям в продолжении целых 27 лет. Преемники Галиль-паши ничем

²⁵ Ojzyste spomniki. T. II. str. 205.

²⁶ Ojzyste spomniki. T. II. str. 204.

²⁷ В чернетці посилання відсутні. В друков. тексті. L. С. Т. II. str. 219.

Унікальне зображення замкового мосту на нещодавно виявленій мапі м. Кам'яця-Подільського 1671-1672 рр.// AGAD. PL_1_444_407_001. Прорис Р.В.Нагнибіді.

«Турецкий» міст на листівці початку XX ст.

*Регулярна турецька армія.
Малюнок сучасника.*

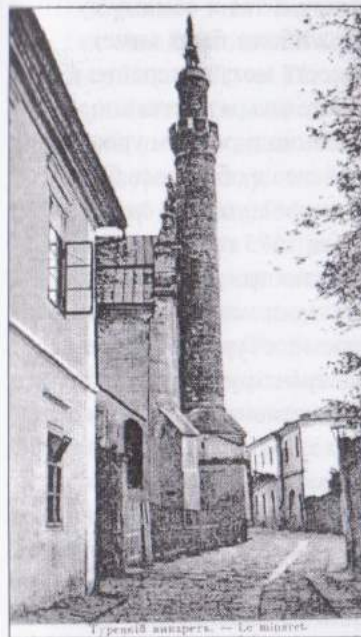

*Мадонна на мінареті.
Сучасне фото.*

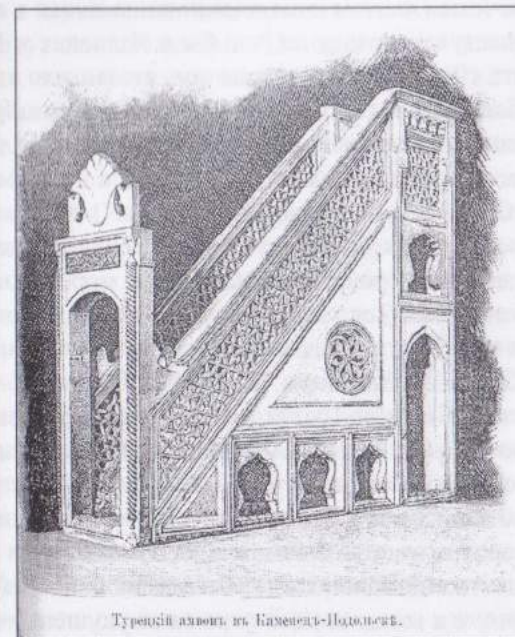

*Ворота Окопів Св. Трійці.
Сучасний вигляд.*

себя не ознаменовали; город под их управлением падал все ниже и ниже, и в руки Поляков достались одни развалины!

Городицький мінарет. — Ле. Миллер

Турецький азбучи із Камениць-Подольські.

Но возвратимся к делу. Главной целью всех стремлений только что упомянутого правителя было отурчение Подолии, и первые два года после захвата очень тому благоприятствовали. Во всем воеводстве только Чернокозинцы оказывали сопротивление: гарнизон их не сдавался; упорство это было большим безумием, но только безумием и ничем иным было это удовлетворение военной чести, не больше. Отурчению края способствовали турецкие гарнизоны и мусульманские семейства прибывшие из Константинополя; те и другие известны были под общим названием *praesidiów*: такие *praesidia* находились в Сеняве, Браилове, Язловцах, Могилеве, Умани и Рашкове. В этом последнем местечке, расположенном над Днестром, был главный пункт переправы белгородских татар. Потом они решили здесь остаться, что заставило мещан покинуть местечко, так-как новые пришельцы похищали у них женщин и славянки славились красотой.

Мы должны указать еще на одну особенность, характеризующую новых владельцев и доказывало, как они далеки были от веры в постоянное обладание приобретенной провинцией: они не строили мечетей и даже, выгоняя духовенство из костелов, не переделывали их на магометанские святыни. — Только Каменец и Меджибож составили исключение. «Паша, комендант

Язловец, – говорит один из корреспондентов, – писал к паше каменецкому, прося, чтобы этот ему позволил обратиться доминиканский костел Язловец в мечеть. Об этом каменецкий паша писал к визиру, а тот к самому султану, советуясь, нельзя ли, что бы в Язловцах и Меджибоже была мечеть? – на что султан разрешения не дал, сказав, что эти места могут перейти в руки Поляков и жаль объявлять своим то, что не будет таковым постоянно»²⁸. Однако надо признать, что новым колонистам, особенно турецким уроженцам, не очень понравилась Подолия, да и в самом войске не обошлось без бегов: «Одни из Турок уходят из Каменца (пишет жванецкий (упор.: в друкованому тексті - Iwonnicki) мещанин в половине февраля 1673 года), другие почти ежедневно умирают от большого мороза, особенно при караулах, которые отправляются только в замке, а городские ворота остаются без стражи»²⁹. И в других местах в апреле того же года читаем: «Турок оставленных в Каменце для защиты, было 14.000 человек, – теперь с трудом можно верить, что бы их было 10.000, так сильно их истребила перемена климата; ежедневно умирает от десяти до двадцати человек и более. Много их убыло и чрез то, что impatientes (упор.: не маючи змоги переносити) невзгоды, уходят по 30 в одну ночь, отважно спускаясь с высоких скал. Хоть стража на валах и воротах и могла бы им в этом помешать, но и она принуждена не обращать на это внимания, когда убегающие indicunt (упор.: *требуют*) от неё молчания, а в конце концов угрожают удушением или сброшением со скалы»³⁰. Не весело было непрошеным гостям, покоившимся на лаврах. Тяжелый воздух, вследствие небрежного содержания города, производил холеру, сильно в то время свирепствовавшую; зима тоже очень наскучила: как бы на зло победителям, она в 1672-1673 г. отличалась особенным напряжением и тянулась долго; мучил голод: «В Каменце осьмушка (osmaczka) зернового хлеба стоит 9 левов, а вязка дров – 2 лева», – пишет мещанин-современник; что же происходило в то время, когда, в ожидании войны, начали собирать войска? – «в одной избе по 100 человек»³¹ должно было помещаться.

До сих пор мы говорили об одной половине, сделавших нашествие союзников – о Турках, теперь, для дополнения речи, приступаем к описанию Липков. Им по справедливости принадлежит это место в данной беседе, потому что они дали себя почувствовать как земле подольской, так ровно и соседним польским провинциям.

Липки берут начало от белгородских татар. Это кадры, которые с течением времени полнятся Черемисами или Чемериссами, Валахами, Русскими и Поляками, но уже переменившими христианскую веру на маго-

²⁸ Ojzyste spomniki. T. II. str. 237. В Меджибоже татары выстроили мечеть, которая сохранилась до нашего времени.

²⁹ В чернетці посилання відсутні. В друков. тексті. L. C. T. II. str. 199.

³⁰ Так само.- str. 205.

³¹ Так само.- str. 292, 293.

метанскую; их число до такой степени увеличивают Татары, поселенные Витольдом над Вакою, что за ними остается это название. Бартошевич так изображает нам Липков: «в чертах лица они представляли какой-то переход между монголами и другими племенами. По одежде, по языку мы не признали бы их Татарами, потому что одевались по-польски»³². Эта банда разбойников, составленная из самых разнородных начал, наиболее обращала на себя внимание во время турецкого нашествия на Подолию. Даже, говоря правду, это имя появилось у нас не раньше, как пред самой осадой Каменца Магометом IV. Современные хроники говорят, что Липки ворвались в смотричанское устье из-за Днестра и начали грабить в окрестности; вследствие чего выслана часть каменецкого гарнизона для их усмирения. За то довольно часто о них упоминается в следующей четверти столетия. Некоторым образом официальное, а также первое упоминание о Липках находим в брацлавском трактате (17 октября 1672)³³: «Те татары, названные семитами или липками, которые прежде жили в Польше, а потом удалились из неё и подались владычеству блистательной Порты, но жены оставлены на месте прежнего жительства, – могут без всякого препятствия возвратиться за женами, детьми и движимым имуществом. Другие же, которые остались в Царстве Польском, имеют полное право выбраться с женами, детьми и всем движимым имуществом, либо остаться». Речь здесь только о татарах литовских, а может быть и о тех, которые поселились под Острогом, потому что колонии черемисов, названных чемериссами, под Баром, сами собой вошли в состав Подольского пашалыка и именно с того времени считаются татарские поселения в Меджибоже и под Немировом в Брацлавском воеводстве. Но главным местом в пределах турецкого захвата, были предместия Каменца, расположенные по крутым берегам Смотрича: Карвасары и Татариски.

Надо сознаться, что наши предки постарались в высшей степени не практично, употребляя литовских татар, во время турецкой войны, на боевой линии; потому что их отряды, расположенные отдельно от всего войска, при первой встречи с единоверцами, поселившимися в Крыму, переходили на их сторону – и не удивительно! – их соединила религия, обычаи, братское дружество, наконец, поощряло к измене и предчувствие худого исхода войны, потому что все, кроме ослепленного польского дворянства, знали, на которой стороне будет проигрыш. Правда, уже за десять лет пред падением Каменца, дальновидные люди подавали голос за уменьшение татарских отрядов: «Король и сенат постановили (пишет Ерлич (Jerlicz) 1663 г.), чтобы в войске не было больше четырех татарских полков, чтобы им давалось жалованье только на одну лошадь и чтобы им

³² Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i z Tatarami etc. str. 32.

³³ Kochowski, Klimakter IV.

не служили ни Поляки, ни Русские, а только Татарин Татарину»³⁴. Но проект не приведен в исполнение. Татары не только оставались в полках Речи Посполитой, но большая часть военной стражи назначалась при сановных особах; подольский подкоморий Лянцкоронский также не мало имел их возле себя в Мельнице и не мало истребил – за том же, спасая жизнь, принужден был принять магометанскую веру и этим бросил тень на каменецких сановников, предавших город Туркам³⁵. Но и Турки, по крайней мере в первое время, не нравились Литовским: «Литовские Татары (Липки) кричат на старшин: *Сrucifige!* (упор.: *розпізнати, оглянутись*) что их обманули и вывели из Польши»³⁶, – пишет неизвестный нам житель Каменца в апреле 1637 г. Однако незачем было возвращаться в Польшу, которая строго наказывала изменников; поэтому они принуждены были сделать ремеслом своим грабеж: это было единственное условие, обеспечивавшее их через людей, ловких, хитрых, что ознакомившимися с местностью, а к таким принадлежали Абрамович (Abrahamowicz) отличавшийся в Подолии в 1673 г.³⁷, Кричинский (Kruczyński) – в то же время, Кречковский (Kreczkowski) до 1675 г., Моравский (Morawski), Творовский (Tworowski), Быковский (Bykowski) из под Острога, Тарасовский (Tarasowski) и очень много других.

Но если с одной стороны эти разбои, допускаемые новыми владельцами Каменца, проходили для Липков, безнаказанно, то с другой – они все таки имели страшных врагов в некоторых служащих Речи Посполитой, оберегавших обывательские имения, и этих боялись как огня. Князь Вишневецкий – воевода брацлавский, главнокомандующий войском Мартин Богуш, ротмистры Станислав Май Сильницкий и Злотницкий, – оказывали важные услуги отечеству, добровольно сражаясь на новой границе с коварным и ловким неприятелем. Они до такой степени безпокоили Липков, что главною почти целью первоначальных вылазок этих разбойников, была поимка хоть одного из них; в письмах того времени из Каменца, безпрестанно встречаем предостережения такого, например

³⁴ Так само.

³⁵ О Лянцкоронском я упомянул выше, теперь словечко о его отурчении: случилось оно несколько днями позже падения города и то не в Каменце, а в Ягольнице. Дело было так: подкоморий вместе с каменецким епископом прибыл в Ягольницу, и выйдут ли оттуда – сомнительно, так как подкоморий немало истребил литовских татар, которые ему служили и изменяли. Жены этих Татар, остающиеся в Ягольнице, жаловались пред пашой, который занимал Ягольницу, а он, хорошо зная по-польски, спросил Лянцкоронского – правда ли это? Тот отвечал, что это делали не по его приказанию и даже мимо его желания. Паша объявил ему, что здесь скорее будет произведен над тобой суд, чем в польском требунале; и действительно скоро умер, а имущество его поступило «в пользу турецкого Султана».

³⁶ Ojzyste spomniki. T. II. str. 237

³⁷ Bartoszewicz: Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami, str. 32.

содержания: «Татары Липки вместе с турками на границах между Ягельницей и Язловцами нападают на поместья дворян, и подстерегают брацлавского воеводу и Сильницкого (Silnickiego)»³⁸.

Главная задача оттоманской политики состояла в отурчении края. Все что было наиболее независимо, выехало тотчас после захвата Подолии; остались остатки, ничтожные, но всегда твердо державшиеся веры отцов, и новые завоеватели извлекали пользу из военных подвигов Липков, обещая им небольшую награду за польскую или русскую неотурченную голову. Уже немедленно по взятии Каменца, еще в октябре 1672 г., встречаем об этом упоминания в письмах русских поселян, немного отдаленных от театра происшествия: «здесь навверное утверждают, что турецкий султан и визир приказывают татарам и казакам убивать и захватывать в плен польское дворянство, мужиков, а также и казаков, которые не держат стороны Дорошенка. За голову польского дворянина дают червонец (*czergwony zloty*), а за мужицкую или казацкую – лев»³⁹.

В этом отзыве пробывается некоторые сомнения может ли быть падишах таким варваром? Но позднейшие донесения подтверждают эту печальную правду; вот одно из них: «Галиль-паша дает по червонцу за польскую голову, вследствие чего черемисы нападают на людей, снимают головы и, принеся на саблях, получают деньги; паша эти головы насаживал на шести, вбитые на базарах и улицах (каменецких)»⁴⁰.

Сначала главным занятием Липков была доставка польских голов турецкому правительству, а потом, когда добывать головы было с каждым разом труднее, стали предпочитаться – разбой и поджога. Расскажем в короткой истории этих разбоев, сделав оговорку, что, в продолжении первых двух лет захвата, они повторялись непрестанно, имели партизанский вид, носили политический характер, а потом перешли в самое обыкновенное разбойничество, повторявшееся реже и с меньшей силой. Самым любимым местом таких разбоев служила новая граница около Язловец и Ягельницы, так что польское дворянство назвало ее татарским окном. Литовский татарин Кричинский (Kruczyński), незаметно вошедший чрез это окно в Польшу, достиг наибольшей печальной известности, о чем было оговорено было выше⁴¹. Липки, поощренные безнаказанностью злодеяний, стали производить вылазки под Львов. Во время одного из таких предприятий 1673 года наскочили на них хоругвы Сильницкого (Silnickiego i Zlotnickiego) и совершенно разбили; ни одному пойманому не было пощады: это было кровавое возмездие, может быть слишком жестоко, но справедливое. Почти в то же время (в сентябре) в Подолии за

³⁸ Ojzyste spomniki. T. II. str. 189

³⁹ Ojzyste spomniki. T. II. str. 182.

⁴⁰ Ojzyste spomniki T. II. str. 293.

⁴¹ Patrz zameczki Podolskie na kresach – Bar.

ними гонялся хорунжий Сенявский (Sieniawski). Прежде всего он обложил Меджибож и, по взятии местечка штурмом, вырезал всех без исключения осажденных (27 октября); оттуда, пользуясь смертью Кричинского, двинулся под Бар, но весть о смерти короля Михаила заставила его прекратить военные действия. Усмирены в двух гнездах, Липки тем смелее нападали на Польшу из третьего. Так, в начале ноября «вышли из Каменца и, зашедши под самый Збараж, захватили множество скота и угнали в Каменец, истребили также много людей»⁴². По этой причине ужас поляков был так велик, что бедная королева, выехав к своему мужу, страдавшему тяжкою болезнию во Львове, должна была возвратиться из-за Люблина (с равской большой дороги), так-как везде ее предупреждали, что 10.000 Татар бродит по краю; а это был, как потом обнаружилась, ложный переполох, произведенный несколькими сотнями Липков.

Однако все более частые нападения на смежные с Подолией провинции Речи Посполитой, начали сильно наскучать, необходимо было усмирить своеволие. За это принялся во время междоусобия брацлавский воевода князь Константин Вишневецкий (Wiśniowiecki). Когда другие отступились от опасного дела, он один, как коршун, носился над каменецкими липками. Эти, последние, рассеявшись после Хотинского сражения, снова собрались около Гусейна-паши, освободили его от плена и под прикрытием провели несчастного героя в Константинополь⁴³. То туда снова пришли в Подолию под предводительством Османа-паши, который в половине декабря 1673 г. уже был под стенами города с 10 хоругвами Татар и 7 – черемиссов. Против них выступил воевода брацлавский с подлеским каштеляном (ст. Лужецким (Łużeckim)); они переуверились, что при желании сделать нападения Липков меньше частыми, необходимо предупредить их в самом гнезде. С этой целью они переправились чрез Днестр под Городком (12 дек. 1673 г.) и остановились в Новоселке, в пяти милях от Каменца, ожидая дальнейших гетьманских распоряжений и желая достать языка. Наконец первые прибыли: Собеский (Sobieski) приказывает «безпокоить Каменец ежедневными набегам», и особенную важность в своем практическом распоряжении полагает в вопросе совершенного уничтожения Липков, смотря на него, как на самый главный в этом деле. «Как можно скорее прикажите подольскому генералу, чтобы изволил обратить внимание на каменецкие Карвасары пред русскими воротами, потому что там Липки, как я слышу, зажили слишком безпечно. Можно кое-что и присоединить к хоругве, назначенной для этого предприятия и взявши из деревушки Татарыша (Нинешние Татариски, почти соединенные с Карвасарами) хорошего правосудника, Вы безопасно можете окончить

⁴² L. c. T. II. Str. 277.

⁴³ Kochowski, Klimakter IV. str. 340.

дело истреблением этих негодяев; Турки вероятно ночью не выйдут из Каменца на помощь и для этого брам не отпрут. Есть пример, что во время нашего владения Каменцем, эти разбойники ночью тревожили Карвасары и это им сходило»⁴⁴. Предприятие удалось, Липков пало около 2000 и с тех пор они сидели тихо, занимаясь грабежом, но в малых раз мерах...

Да и не было кому отличиться. Кричинский умер, ватажку и самого опасного шпиона Быковского повесил Ганенко, поймав в Меджибоже, куда прибыл для подкрепления Сенявского; этот последний вторично усмирил барских черемисов, так что у иных военачальников, как Моравского и Творовского, отпала охота вступать с ним в сражение; Тарасовский не получил Гусятина и был недоволен, а Кричевский, по меньшей мере мошенник, начал слать просьбы к Речи Посполитой, прося о помиловании и дозволении возвратиться в Литву, что и получил в 1676 г, а с ним вместе и другие Липки. «Здесь поют, – пишет Бартошевич⁴⁵, в полном свете выступает *przezcasność* Речи Посполитой. Эпоха козацких бунтов совершенно испортила порядок на Руси, вслед за ними явилось вмешательство Турции во внутренние дела Польши и страшные войны; следствием из которых была утрата Украины и Подолии, а в конце концов позорный бучацкий мир. Когда Каменец пал пред луной, этот удар, нанесенный вырывая из Каменца, производили убийства, грабили по всей Червонной Руси, Подолии и Вольни, брали себе староства, играли в обывателей и турецкое дворянство.

Самые тяжелые времена для Польши были в 1672-1674. Турки грозили ей неволею, Липки убийствами; амнистия же покрыла и эти преступления, вероятно принимая в расчет, что это было временное увлечение и что кроме того Татары Липки, как ближе живущие к Константинополю и более дикие своих собратьев, поселившихся в Литве, стали занятий всегда болем в политических смутах. Амнистией однако воспользовалась едва меньшая половина, остальные не бросили разбойнического промысла; но истребленные в главных гнездах (Карвасары, Меджибож, Бар), никогда не достигли первостепенного значения; это уже простые разбойники, прототипом которых служил и мурза Сечарчик (Swierczarczyk), сделавшийся известным в царствование Яна III. Отвиновский (Otwinowski) так нам рисует эту печальной памяти личность: «Между ними был один мурза, родом из Львова, называвшийся Сверчиком (Swieczarczyk); мать его в подвалах во Львове продавала свечи, а он в продолжении многих лет производил набеги в русских землях. Эти Липки особенно опустошали места, лежащая возле Подолии, потому что их никто не мог узнать ни по языку, ни по костюму: они одевались и говорили

⁴⁴ Ojzyste spomniki. T. II. str. 289, 290.

⁴⁵ Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami. str. 48.

по-польски... Преимущественно они нападали на местечки во время ярмарок, и нашествия больших татарских орд не могло причинить такого вреда жителям, какой причиняли им Липки, потому что о больших скопищах Татар всегда узнавали во время и люди за благовременно скрывались в города и замки»⁴⁶.

К концу турецкого владычества, ремесло Липков становилось все более трудным; однако они до 1699 года пробыли между скалами Смолыча и плакали при расставании с Подолием. Порта назначила им для жительства усть Дуная-Добруджу; к Польше было далеко. Буджацких Татар оттоманское правительство тоже выгнало в Крым; нашлись однако охотники путешествия, хоть несколько длинного; потому в XVIII веке снова встречался с Липками. Это не собственно самые Татары, но смесь Валахов, русских цыган, словом, шайка самих обыкновенных бродяг: уже не о средствах к пропитанию, не о пленных у них идет дело, а о деньгах, о дорогих вещах, которые бы потом можно было легко и выгодно продать на молдавских и турецких рынках. Главным их хотинским притоном был нынешний хотинский уезд (powiat), а местностью, благоприятствующего грабежу – наше воеводство, – дальше они не устремляются, а если в воеводстве Брацлавском и бывают грабежи, то они производятся не Липками, а местными поселянами.

Теперь переходим к продолжению истории города. В половине 1673 года война серьезно угрожала Подолии, а Каменец, как самый главный стратегический пункт, начал соответственно готовиться к ней: запасено оружие, провиант свозился в огромном количестве из Молдавии и Валахии; в апреле 1673 г. даже уже стянуты турецкие гарнизоны из Сенявы, Меджибожа, Брацлава, Могилева, Язловец и помещены в Каменец, а 12 августа Галиль-паша издал к жителям Подольского воеводства универсал. Приводим в целосности этот любопытный памятник турецкого у нас господства: «Галиль, силестрийский паша и губернатор Подольского воеводства, именитым войтом, бурмистрым и всем, как светского моего права и власти так и духовного сословия старшин городов, местечек: Чернокозинец (Czarnokoziniec), Кедрина (Kiedrzyna), Кривинец (Kasprowicza), Пульча (Pulcz), Кастровича (Kasprowicza), Ягельницы (Jagielnice) и Язловец (Jazlowca); так же принадлежащих к ним сел, как верным подданным светлейшего султана, моего милостивого господина, доношу до сведения: так как король польский расторгнул союз с светлейшим султаном, поэтому если бы сам, или его гетьман имел наступать на вас с войском и вам, как верным подданным святейшего султана, хотел или думал делать какие-нибудь пакости или производить наши замки и дворы, разоряйте до основания; сожигая города и деревни, сами

⁴⁶ Dzie Polski za panowania Augusta II. str. 13.

с женами, детьми и пожитками переселяйтесь в землю светлейшего султана – валашское княжество и там оставляйтесь до благоприятных обстоятельств; ибо светлейший султан, хотя зимой трудно, двинулся с войсками своими из Адрианополя и – клянусь Богом – в состоянии, дав отпор, уничтожить этого неприятеля, вы же опять можете возвратиться в свои города, местечки и села. На основании описываю, чтобы, по обнаружении универсала, иначе не поступали; а для лучшей веры ему я велел при собственно ручной моей подписи приложить печать. Дан в Каменце-Подольском пр.» И действительно, через два месяца по издании этого универсала, 40 000 Турок явилось под Хотинном; других столько же с Каплян-пашой поднялось от Дуная, а в Каменце считалось 25.000 отборного войска, во главе которого стали Галиль и Муртази-паша; по другую сторону Днестра предводительствовали паши: Гусейн и Селим. Приближалась буря, но потерпел от неё неприятель. Хотинский погром был страшный, победа полная... Главнокомандующий, окруженный верной свитой в 1500 конных липков, ушел в Каменец, и не ожидая долго, поспешил в Константинополь; Капля-паша возвратился за Дунай, поставив нового Валашского господаря (Кантакузона (Kantakuzano), а герой этого времени Ян Собеский, грозное привидение, при имени которого бежали оттоманские шеренги, опьяненный победой, двинулся не под Каменец, а за Прут, желая еще догнать уходящего неприятеля. Но и не догнали и совершенно измучил войско; однако, не теряя времени, разделил его на четыре части: одну оставил приставом, верном Польше, Валашском господаре, другую поместил в Покутьи, третью послал в Подолию, а сам поспешил в Варшаву, где его ждала корона... так как Михаил Корибут, несчастнейший из королей, окончил страдальческую жизнь накануне большой победы под Хотинном (11 ноября 1673 г.). В конце декабря Липки были уже побиты на Карвасарах, как об этом упомянуто выше, а войско, предназначенное к отнятию Каменца, расположено следующим образом. «Начиная с украинской Волыни, в Лабунь et consequentibus и прилежащих местах – тысяча человек под командой кавалера Любомирского; в Меджибоже и окрестностях столько же, под командою Серадского подчашего... столько же в Дунаевцах и Сатанове, под командою под командою J.P.Bogusza. В Студенице около тысячи, Гусятин и Сидоров несколько сотен, под командою подольского подкомория Мышлишевского (J.P.Mysłizewskiego); возле Скалы и Язловца – тысяча, под командованием брацлавского воеводы, который имеет власть также и над теми другими командирами как замковыми, так и полевыми, потому что он генеральный начальник над драгунами и пехотой. В хотинском замке оставлено три полка. Каменец так окружен, что никто не будет иметь возможности безопасно выйти ни за дровами, ни за сеном... Турок

теперь нет в Подолии за исключением Каменца и Бара»⁴⁷. Приводим эти подробности для того чтобы показать читателю, что после хотинского сражения мы были господами описываемого дела, все местечки оставались в наших руках, а энергичная блокада главного города воеводства, довершала бы остальное, но она была ведена слабо. Собеский сидел в Варшаве, а солдат верил только в него... Выигранная в следствии этого последнего обстоятельства хотинская битва, освободила нас от платежа постыдной дани Туркам, а осада Каменца окончилась истреблением 2000 липков, живших на Карвассарах... очень малые последствия таких громких побед. С этого времени начинаются романтические странствования короля Яна III, не всегда однако предпринимаемые во имя освобождения Подолии, хотя отнятия Каменца было выписано на знамени большими буквами. Бедная крепость, стонущая в турецкой неволе, служит ширмами, за которыми скрываются династические планы фамилии Собеских... Прежде всего в 1674 г. король начинает войну на Руси, отнимая у захвативших польские владения местечко за местечком, без большого труда, потому что турецкие гарнизоны покорно уступают при виде польских орлов; берет Умань, Брацлав, где проводит зиму, потом Бар, Немиров, но не на долго, так как немногочисленные польские гарнизоны не могут удержаться. Из Бара гарнизон выгнан чрез несколько месяцев; Умань, чрез год осажденная Кара-Мустафой, дорого заплатила за привязанность к Речи Посполитой: победитель вырезал всех её жителей.

⁴⁷ Ojzyste spomniki. T. II. str. 294.

(Упор.: – 25 серпня 1674 р. турецькі війська, оволодівши Уманню, знищили на місцевому ринку 7 тис. мешканців, тому що при взятті міста полягло 13 тис. їхніх вояків. Ла Магдален описує так ці події: «Війська невірних підійшли до Умані, і всі її мешканці, які вдерлись на фортечні мури, здивувалися, що жоден з делегатів не повернувся, що змусило їх, скликавши раду, знову послати [представників] до командира невірних; відправили двох священників з кількома підводами харчів. Їх добре прийняли й відпустили цілком гречно, не надавши можливості поговорити зі своїми співвітчизниками, яких їм пообіцяли відіслати того ж дня. Паші оглянули пости, і з настанням ночі, по

молитві згідно звичаю, було викопано траншею. Кілька мешканців цього міста, які колись були в рабстві та добре говорили турецькою, прокричали, що роботи потрібно припинити, що вони готові віддати все, що завгодно і що вони зберігають вірність Порті і її заступництво, але якщо роботи буде продовжено, то [турки] переконаються в хоробрості та люті, викликаних відчаєм народу, зрадженого подібним чином. Сулейман-ага, начальник яничарів, якого відправили на це укріплення, хотів переконати їх здатися без перепон та спротиву і завоювати таким чином прихильність командувача, який поведе справу так, щоб їх послух визнали, але не бачачи підстав довіряти подібним пропозиціям, вони відкрили такий сильний вогонь та здійснили настільки рішучу загальну вилазку, що вищеназваний Сулейман та все його оточення були розрубані на шматки. Паша Анатолії був небезпечно поранений, а кілька його іч-огланів (султанський паж, що навчався в особливій палацовій школі) або пажів потрапили в полон. Біль та відчай через рану, не могли зрівнятися з горем, яке він відчув, побачивши наступного ранку голови своїх улюбленців, піднесені на стисах на вежі фортечного муру обложених.

Після того, як християни знищили споруди невірних, вони повернулися до своєї фортеці, щоб підкріпитися, і тієї ж ночі здійснили ще шість вилазок з усіма можливими вигодами, заволодівши кількома знаменами й втративши лише тридцять сім чоловік вбитими або захопленими в полон, що негайно були віддані на смерть. Турки стиснули [кільце облоги] ще сильніше й четвертого дня почали роботи аж до контрескарпу; найобережніші мешканці цього міста втекли плесом, яке не можна було блокувати через ріку, вони опинилися без начальників та без жодної надії на допомогу. Отримавши попередження про це сум'яття (від деяких полонених), командувач турок не став наступати на фортецю, [вирішивши] посилити облогу, подовживши її тривалість. Мене послали разом з ним (хоча я був поранений та мав жар), щоб накидати на турецький лад план фортеці, що був посланий Його Високості, який, щойно його побачив, негайно розпорядився про підкріплення для обложених. Довідавшись про це, паша, який рівною мірою задрив славі [полководця], як і [успіху] у світі, наказав невідкладно замаскувати велику мінну камеру, і двадцять п'ятого серпня, дощового та досить хмарного дня її запалили, попередньо заманивши обложених на фортечні мури ближче до міни після загального повтореного трічі залпу; і ці люди, погано обізнані з подібними хитрощами, побігли, туди, злякавшись, що почався штурм, і багато загинуло там через міну, що було на руку невірним, і в результаті чого тридцять вісім чоловік змогли пройти фронтом. Почався штурм і після того як з обох сторін було виявлено відвагу, господарями замку стали турки, а перелякани мешканці, залишившись без очільників та їздових і втративши мужність,

відступили до міста, не зачинивши його браму, яка розташовувалась під великою вежею в стіні настільки ж міцній, як і стіни замку, що був від неї відділений. Турки безладно вступили в місто, де були християни, які вислали їх звідти зі значними втратами, і якби командувач турків не засукав рукави по самі плечі, зміцнивши свої війська, з ними вчинили б так само, як вони вчинили з цими нещасними, серед яких жоден, хто мав зброю, не зберіг життя. Жорстосердність [турків], що невідворотно панувала цього дня, змусила дівчат та жінок вишикуватися в ряд, і замість того, щоб із цією статтю вчинити так, як велить людяність, їм немилосердно відтягли голови, дітей зарізали в лонах матерів, інших же розрубали на шматки ударами, нанесеними безліччю злочинних рук. Вогонь, мішенню якого стали споруди, цілком побудовані з дерева, поглинув людей, які сховалися там, і багато з цих бідолах опинилися обійняті полум'ям, не в стані подолати цю жахливу Стихію, що охопила проходи до вікон та дверей, інші, ж яких меч не позбавив життя, позбавивши рук і ніг, жорстоко страждали через палаючі дахи, що падали на них, і нарешті, гинули під цими пламенючими руїнами, не маючи сил сховатися, щоб уникнути їх. Ця катастрофа була найбільшою та найжахливішою серед згаданих, майже неможливо було пройти вулицями цього нещасного міста, не зануривши ступню в кров та рештки понад сорока тисяч християн; чимало було й тих, хто зберігши життя, втратив волю». – **Вказана праця.** – С. 53-57.)

Тож саме случилось и с валашскими крестьянами. Со всех пунктов наши должны были уйти и даже Хотин сдался Гусейну, паше Дамаска, который обещал гарнизону свободу, но слова не сдержал; бедные солдаты пали жертвой своего легковерия: они были истреблены поголовно⁴⁸. В таком положении находились дела до Журавского мира 1677 г. Тогда в числе других пунктов договора, Польша выговорила себе возвращение всей Подолии (кроме Каменца, Бара, Немирова и Меджибожа) и трех частей Украины, так как четвертая должна была остаться под опекою Порты. Забавные это были условия, принятые обоими сторонами. Хоть не выполненные; они остались без последствий, а в 1680 г. оба государства составили комиссию для обозначения границ. Турки требовали слишком много и польские комиссары возвратились ничего не сделав, а Каменецкий паша, все тот же Галиль, присоединив к пашалыку Чертков и Трембовлю, повбивал там, как говорит Ерлич, «медные столбы»⁴⁹. Лелевель подробно описывает границу между Речью Посполитой и Турцией, не ругаясь была ли она утверждена заинтересованными сторонами⁵⁰.

⁴⁸ Hammer. T. XI. Str. 399.

⁴⁹ Latopisec. T. II. str. 139.

⁵⁰ Materiały do Dziejów Polskich, Poznań 1847, str. 165: (Нахожу (слова Лелевеля) в одной рукописи (принадлежащей Винценту Красинскому) ноту о разграничении

Только в 1683 году, когда Ян III шел на помощь Вене (Wiedniowi) Андрей Потоцкий действовал в окрестностях над Збручем и навсегда вытеснил Турок из Ягельницы и Гусятина.

Турции с Польшей в 1680 году, которую здесь и выписываю: Собрались мы под Зеленое. Паша заявляет, что имеет фирман: что бы не требовал ни горсточка земли не принадлежащей к Подолии, но и не уступим ни горсти земли, которая принадлежит к Подолии. На вопрос о Черткове Турки заупрямились; надо было его уступить, удержав, что возможно, из этой волости. Турки высыпали курган возле буцацкой дороги на белобурницких (упор. тепер с.Білобожниця) полях против деревни Рыдодубы, принадлежащей к земле галицкой и Белобожницы – к Подолии; на полях билополоцких, против бычковавского леса; Билевые, Скородинцы до Черткова – отделены курганами к Бычковцам; Бычковцы заняты Турками.

Бучач и Поток уступлены Полякам.

Высыпаны курганы между землями бычковскими (Byczkowskiemi) и звиняцкими (Zwiniackiemi), в поле, названом – Туров (Tudorów); на Чернолозах (Czarnolozach), между землями яблоновскими (jablonowskiemi), копичинскими (kopczyńskiemi), вышковскими (wyszowskiemi), принадлежащими к трембовельскому повету.

Оришковцы (Oryszkowice) и Гадынковцы (Hadynkowice) уступлены Полякам. Из под Кочубилицы (Koczubnicy) сделаны курганы между землями Васильковцы (Wasilkowice) и Неборком (Nieborokom), Лычковцами (Łyczkowice), Чабаровкой (Czabarówka), Ольховцами (Olchowcem) и Требуховцами (Trebuchowcami). Łyczkowice остались на стороне Польши, но Турки их заняли, обещая уступить, когда им будет позволено. Здесь граничит речка Збруч.

Город Сатанов (Satanów), Марцинковцы (Marcienkowce), Зиенцы (Zieńce) до Подолии, Кароловка (Karolówka), Козья Туровка (Kozia Turówka) – причислены к трембовельскому повету; от Збруча, от места именованного Кручей (Krucza), граница идет полем к Черному острову. Высыпаны холмы между землями тарнорудскими (tarnorudzkiemi) или розмецинскими (rozmeścińskiemi) Кумановскими (Kumanowskiemi) – к Подолии и колохвановскими (голохвастовскими (holochwastowskiemi?), заваликовскими (zawalikowskiemi) принадлежащими к кременецкому повету, и над болотом Мешаницы (Mszanicy). Между землями павликовскими (pawlikowskiemi), хомиковскими (chomikowskiemi) – Подолии, а божиновецкими (bokjowieckiemi), Тречинниками (Trecinnikami) – к кременецкому повету принадлежащими. Эти же холмы высыпаны на землях города Фельштина (Felsztyna), деревни Жуковки (Żukowka) и деревни Сяковки (Siakłowce). Видава (Widawa) – польская.

Курган между землями юхиновскими (juchinowskiemi), заборовскими (zaborowskiemi), черноостровскими (czarnoostrowskiemi) к Подолии, и баклайновецкими (bakłajkowskiemi), лозовецкими (łozowieskiemi), жолокницкими (żołoknickiemi), марковецкими (markowieckiemi).

К кременецкому повету принадлежащими деревни: Сапчинцы (Sapczyńce), Темиринцы (Temyrcie), Сквородки (Skoworodki), Королевка (Korolówka), Западинцы (Zapadyńce), Кознин (Koznin), как принадлежащие к ординации, а не к Меджибожу, остались при Польши. Высыпаны были холмы над рекой Бужком между землями николавскими (mikołajowskiemi), орловицкими (orłowickiemi) – к Подолии, а котюжинецкими, красилловскими к кременецкому повету принадлежащими здесь оканчивается граница на реке Бужке.

Курганы между землями вокшовецкими (woksowieckiemi), еляшовскими (ielaszowskiemi), пиляшовскими (pilaszowskiemi) – к Подолии, а самчинскими (samczyńskiemi), дергачовскими (dergaczowskiemi), верхбородинскими (wercborodyńskiemi), принадлежащими к кременецкому повету, при дороге названной Черным шляхом.

Продолжая историю Подолии и Каменца во время турецкого владычества, оставим в стороне военные запасы двух противников, потому что нам следует упомянуть о нескольких важнейших происшествиях, которые на некоторое время прервали однообразие турецких дел. К таковым принадлежит: прибытие первой миссии О.О. Тринитаров в Каменец из Львова в 1688 г. В ней участвовали Захариан Михалевич, армянин, уроженец Каменца, воспитанный у Театинов во Львове и кс. Михаил а Santa-maria. Испанец. Имеем два описания этого путешествия⁵¹. Уже по причине времени года (в половине января) оно было очень трудновато, прибавим к этому barbarzyńskie otoczenie и у нас получается представление, сколько вытерпели бедные монахи. Достаточно сказать, что у них украдены были деньги, но когда деньги нашлись, прибытие их в город произвело большой шум. Сильно желавшие освобождения города из рук неверных, начали повторять, что капланы посланы св.отцами для выкупа Каменца; но, брошенные в тюрьму, капланы должны были выкупить прежде себя и только после этого приступить к выкупу пленников.

Немного раньше Каменец обратил на себя внимание другим событием; этим чрезвычайным случаем было дело гетьмана запорожского войска, Юрка Хмельницкого, с Аруном или Оруном, евреем, жившим в Немирове, оконченное слишком трагически. Что бы быть свободным от упрека в пристрастии, повторяем это дело здесь дословно за хроникой Велички: «наконец пришло время, пишет малороссийский летописец, погибнуть злему. В Немирове жил богатый еврей Орун, который женил своего сына без ведения Юрася Хмельницкого; рассерженный Хмельниченко прика-

Между землями деревни Поплинец (Popliniec) и Острополя (Ostropola). Отуда Подолия граничит с Волынским воеводством и кременецким поветом дорогою Чорный шлях, между землями северскими и Любаром, городом, принадлежащим к кременецкому повету.

Последний курган при дороге Чорный шлях, между границами хмельницкими (hmielnnickiem), принадлежащими к Подолии и краснопольскими (krasnopolskiem), янупольскими (januszpolskiem), до самой украинской границы.

На Украине шел спор о семи городах, которых Турки требовали, как не принадлежащих к Киеву, Паволочи (Pawołoczy) и Белой Церкви (Białecerkwi). Поляки настаивали на том, что эти города издавна считались принадлежавшими к Киевскому воеводству и что даже казаки в Киевском Полесье владеют некоторыми городами, чего никогда не было».

Из этого драгоценного памятника, оставленного нам Лелевелем, легко картообозначить границы турецкого захвата, который, за малым исключением, составлял нынешнюю Подольскую губернию: и Збруч, Бужок, Чорный Шлях – проходили по краям уступленных Оттоманам земель. За Збручем турецкие владения небольшим острым клином входили в границы Речи Посполитой и обнимали Чертков, Ягельницу и Копичинцы с окрестностями, на северной стороне урывали небольшой кусок Волыни, потому что граница завоевателей шла чрез Острополь, загибалась под клином возле Любарта и, переходя на Молочки, терялась в Украине.

⁵¹ Ks. Sadok Barącz: Żywoty znakomitych Ormian w Polsce. str. 191.

зал поймать еврея и представить к нему. Осторожный жид знал, чем это пахнет и ушел; в то время посланные поймали Орунику, с которой гетьман, без всякого суда велел драть кожу.

Тогда-то Орун, узнавши о тирании Хмельницкого, отправился в Каменец и занес жалобу тамошнему паше, откровенно рассказав о всех истязаниях, злоупотреблениях и злодеяниях Юрка; Паша об этом донес в Стамбул. Порта немедленно прислал других пашей с повелением, чтобы вызвали Хмельницкого в Каменец и произвели над ним строгий суд. Когда Хмельницкий, допрошенный в присутствии пашей, на очной ставке с Оруном, во всем признался и не мог оправдаться во взводимых на него Оруном обвинений, тогда все три пашы, выехавши из Каменца в сторону Дуная, на конец замкового моста, судили его за все преступления и приговорили к смерти. Вследствие такого решения, янычары схватили Хмельницкого и по обычаю, забросили веревку на шею, здесь же в присутствии пашей, задавили»⁵².

Теперь нам приходится говорить о вооруженных и дипломатических усилиях, предпринятых Яном III и Августом II. Приступаем к этому не охотно, так как слишком очевидно, что Собескому было не до Каменца. В 1684 г. он двинулся в сторону Подолии, окруженный и всемогущей Марусеньке хотелось быть в лагере. Что в первый раз женщины принимали участие в военной экспедиции, давний порядок в Речи Посполитой разрушался, место его заступал этот «Безпорядок» (nieład), которым Польша впоследствии вошла в пословицу... В короткое время в войске было больше волокиты, чем рыцарей, лёгкие словечка и шелковые платья заняли место прежней суровости и железных доспехов; комфорт и болтовня без конца, а дела или вовсе нет, или очень мало. В лагере была большая пышность: музыка, танцы, фьерверки, охотники, набранная немецкая пехота, калмыцкий отряд кавалерии, нанятый королем из-над Дона и очень соответствующий обстоятельствам, как пишет ксендз Военский (Wojeński), каменецкий епископ in partibus (упор.: в тому числі)⁵³ Из послов присутствовали: Монтекукулю (Montecuculi) – испанский (hiszpański), Валленштейн (Wallenstein) – ракусский (rakuski), Анджело-Марсини (Angelo-Morsini) – венецианский (wenecki), кроме того курляндские князьки (Książęta Kurlandcy) (Фердинанд и Олександр), множество маркизов и аббатов из над Секвины (Sekwany) (Сены), которых королева так любила. Вся эта толпа расположилась под Язловцем, в котором для защиты находился малый турецкий гарнизон. Но послушаем, что дальше говорит об этом Рудавский в своей книге⁵⁴. Король, прибывший 24 августа

⁵² Letopiś skazanii. T. II. str 546.

⁵³ Relacue nunc. Apost. I innuch osób o Polsce. T. II. str. 448.

⁵⁴ Baliński I Lipinski: Starozytna Polska. T. II. str. 982.

та, велел на другой день осадить крепость, сильно стрелять из пушек и штурмовать. Турки видя, что никаким образом не защитятся, под вечер, выставили белый флаг, просили о милосердии; затем, подписав капитуляцию, на следующий день утром вышли, сложили оружие к ногам королевства и препровождены под конвоем в Каменец; но 90 из них осталось при польской армии». Четыре дня общество пробыло под Язловцем, увеселениями торжествуя победу над несчастным турецким гарнизоном. 28 августа Ян III выступил под Жванец, этот поход Военский описует подробно⁵⁵. Окончился он взятием Жванца и Хотина. Начались холода и в первых числах октября войска уже возвращались в Польшу.

Спустя несколько времени представился удобный случай возвращения Каменца без пролития крови; ибо-когда Ян III разбил турецкие войска под Яссами в 1686 году и в «курниках» (крепостях) валашских разместил польские гарнизоны, – падышах готов был отдать Подолию с её главным городом, с условием однако, чтобы король разорвал союз с императором Леопольдом. Но истинному рыцарю Яну III не доставало смелости гражданской вне лагеря; политик он был не большой, император, хорошо зная об этом, подослал к королю Воту, езуита, который постоянно ему нашептывал, что его государь, за сохранение дружеских отношений, может совершенно покорить молдаво-валашскую землю. Король поверил – и новой провинции не добыл и старой утраченной не возвратил.

Нам остается сказать еще о походах 1687 и 1689 года, предпринимавшихся с целью освобождения Каменца; два другие – 1688 и 1691 г., как имевшие предметом молдаво-валашскую землю, не входят в задачу этой книги; поэтому скажем о них только то, что они совершенно не удалась.

В половине августа 1687 года Ян III опять расположился под бедным и разоренным Язловцем, а его старший сын, королевич Яков, подошел под стены старого Каменца. Этот поход описал сам королевич, также французский инженер Гокар, капитан пехотного полка Собеского⁵⁶. Вот дневник этого забавного похода: 30 августа войска остановились под Пудловцами (в полуторы мили от города), оставили там обоз, а сами пододвинулись к стенам города. 31 августа литургия (день был воскресный), обед для старшины у королевича, совещание, а на десерт – схватка с Липками; 1-го сентября опять литургия, а потом бомбардирование, больше для формы, после штурма обед у королевича на 50 персон; вечером соглашение с Липками, которое обещали облегчить взятие крепости; 2-го снова бомбардирование, кроме того любопытный случай: молния убила 4 лошади русского воеводы (Станислава Яблоновского (Stanislawowi Jablonowskiemu)). 3-го возвращение в обоз; Липки больше не показывались. 4-го лагери над

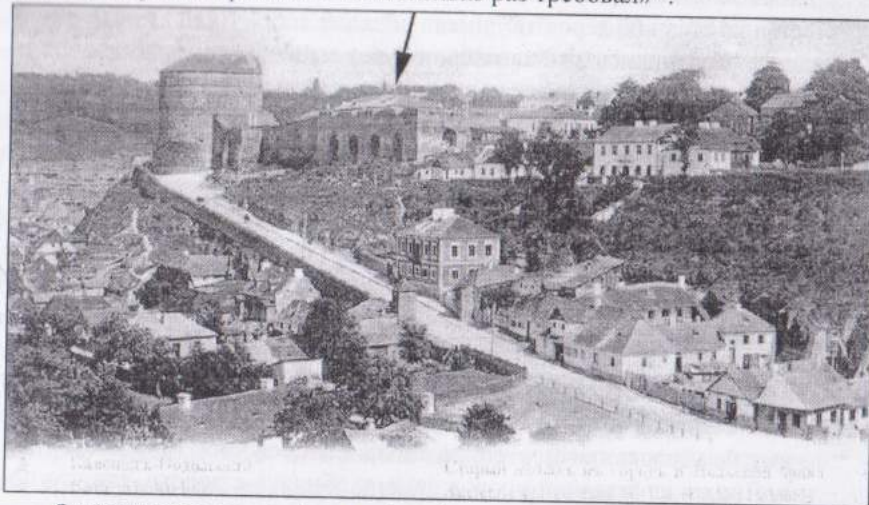
⁵⁵ Rel. nuncyuszów apostoł. O Polsce, Listy do Matesilaniego T. II. str. 437-446.

⁵⁶ Przeździecki: Podole, Wołyń, Ukraina.

Орынином и на этом конец; потому что 13-го сентября войско было уже под Язловцем. Король немного разсердился на сына за небрежное отношение к делу, но вся беда была схвалена на несогласия между гетьманами и среди новых пиршеств было забыто о неудачных сражениях под Каменцем. Гокарь (Hosquart) пишет тоже самое, только, как инженер присоединяет счет употребленных снарядов: из польского лагеря выслано в город 1000 бомб и картечей, из города в лагерь 500 пушечных пуль и 30 гранат. В Каменце, вероятно, было большое смятение: армянский рынок разрушен, польский много потерпел, Доминиканский костел также; королевич слышал плач женщин; к нему долетали из города стоны детей и желая их заглушить, он велел бить в литавры...

Поход 1689 г. был следствием союза, заключенного между Австрией, Россией и Польшей: Австрия должна была очистить Венгрию от Турок, и это ей удалось; царь обязался начать войну в Крыму, чтобы занять татар; на Речи Посполитой лежала обязанность находиться в окрестностях Каменца, и если не завладеть этим городом, то по крайней мере задержать буджацких татар, от вторжения в границы Польши. Подробности этой драмы, разыграной с большим для нас унижением, предал нам Цантельмий (Cantelmi) в своих письмах, известия имел он верные, потому что в нашем лагере находился апостольский комиссар О.Бонесана (O.Bonesana). Собрано коронного и литовского войска 18 000 вместе с артиллерией; при войске находилось 30 000 лагерных служителей и немного козаков; на уменьшение количества последних, вероятно, имела влияние ссора Паляя с старшиной в Немирове. Условились, что кавалерии будет выплачиваемо жалование из суммы, занятой королем, а пехота и драгунам – из папской кассы. О.Бонесана был кассиром. Кампания началась с 1-го августа, ибо с этого числа считались папские деньги на войско, хотя только 16-го августа коронный гетьман дал указание готовиться. Лагерь расположился в окрестности Злочова. Король, пребывавший в то время то в Жолкве, то в Яворове, желая отправиться в лагерь, но его и королева не пускала и отец св. не советовал, гетьманы тоже: предвидели неудачу и не хотели подвергать опасности хорошую славу Яна III. Войско не знало куда идет: ему объявили, что оно собрано для уничтожения татарского табора, а в последних числах августа привели под Каменец. Теперь послушаем, что говорит нунций: «Великий гетьман с отборным войском и 18 пушками двинулся под Каменец, с целью взять эту крепость; но это ему не удалось потому, что он не прибыл вовремя: по ошибке, или нарочно, Липки, служивший проводниками, сбились с дороги, так что после перехода среди темной и дождливой ночи, войско достигло Каменца не пред рассветом, как было нужно, а днем. Поэтому нельзя было привести в исполнение хорошо задуманного плана – ворваться в крепость с трех сторон: по лестницам, которые были уже приготовлены, – в новую крепость;

в замок с помощью петард и, по средствам внезапного вторжения, в город, воротами, открытыми в обыкновенное время⁵⁷. Дальше нунций прибавляет: когда я был сегодня вечером у короля, были принесены письма из лагеря от 26-го того же месяца; в них гетьман извещает, что высыпано четыре батареи для больших пушек, но последние еще не прибыли и ожидаются на следующий день⁵⁸. В позднейших письмах он доносит, что «крепость все более укрепляется и что приведено в совершенство три батареи, из которых одна, занятая Литвинами, посылает снаряды на польские ворота, а с двух других Поляки разрушают горнверк (vogal), названный новым замком. Этот горнверк соединяет мост с городом, а так как он составлен только из двух малых полушанцев и небольшой куртины (kortuny), то не имеет с боков никакой защиты и может поместить в себе только небольшой гарнизон»⁵⁹. Потом 1-го сентября: «От приведенных языков узнано, что каменецкий гарнизон незначителен, потому что состоит наиболее из 1500 чел. пехоты и 600 – кавалерии на плохих лошадях, что должно быть справедливо, так неприятель раз только сделал ночью вылазку, для уничтожения осадных работ, но это ему не удалось: он получил отпор с уроном от казаков, поставленных в засаду в долине, чрез которую протекает Смотрич. Хотя 15 раз бомбы произвели пожар в разных частях города, но он всякий раз был тушим жителями; между ними, особенно между греческими и армянскими купцами, боящимися грабежа, – большая тревога и отчаяние даже в самой малой помощи, которой напрасно паша несколько раз требовал»⁶⁰.

Зведені турками додаткові укріплення біля Вітряної башти.

⁵⁷ Rel. nunc. Apost. I innych osób o Polsce od roku 1548...Berlin, Poznań 1864. T. II. str. 582.

⁵⁸ L. C. T. II. str. 584

⁵⁹ L. C. T. II. str. 586

⁶⁰ L. C. T. II. str. 580.

Показалось однако, что помимо хороших, будто бы, приготовлений, не доставало самой важной вещи: пушек большого калибра, так-как на 80 пушек (60 коронных и 20 литовских) приходилось только две 24-х фунтов. Поэтому нунций обратился к королю с просьбой об удовлетворении этой потребности, на что некоторым образом имел право, потому что хотя офицера артиллерии в начале кампании получили 100.000 злотых, из папской кассы⁶¹, но не зная, что идут под Каменец, не взяли с собой осадных пушек.

И так бомбардирование бедного города продолжалось с большим или меньшим успехом несколько дней; но первая неудача породила досаду, потом непреодолимое желание оставить предприятия, сопряженное с такими издержками. Это было 4-го сентября: имелось в виду штурмовать крепость в нескольких местах, а именно там, где торчит скала, окружающая весь почти город. Для спуска с ней приготовлено много веревок с узлами, что бы солдаты могли потом легче спуститься в лощину, где протекает небольшая речка Смотрич. Так-как вода в реке поднялась выше плотины, сделанных неприятелем, то нужно было переправиться чрез нее по кладкам, приготовленным нарочно. В эту ночь штурма, не было по случаю ссоры военачальника, а на следующую, когда собрались приступить к нему, оказалось, что неприятель уже уведомлен о нем чрез двух солдат, захваченных в плен в названной лощине, куда они отправились собирать арбузы. И действительно, вскоре было много огней, зажженных в разных частях города; сверх того узнано, что на главных улицах сделаны батареи и поставлены пушки. Тогда оставлено было намерение штурмовать город, чтобы не подвергать очевидной опасности 6000 человек, предназначенных в это действие». Робость эта до того ободрила неприятеля, что уже 6 сентября утром они сделали вылазку к валам со стороны Лядских ворот (Laskiy bramy) охраняемых Литвинами. К несчастью, наша самоуверенность не допускала такой смелости. О Турках и они нашли наших солдат неприготовленными и – что больше – порядочно выпившими; следствием этого было поражение: 80 наших легло трупом, а между ними и подполковник, которому было снята голова; остальные спаслись бегством. Шесть пушек, найденных на валу, Турки столкнули со скалы, а потом ввезли в город вместе с большим количеством взятого на поле сражения оружия. Ободренные Липки сделали другую вылазку, но она им не удалась: они были с уроном отбиты⁶². Так или иначе неудача эта ослабила дух, отняла охоту у войска и начали думать об обступлении, которое действительно и последовало 12 сентября. Некоторое время вследствие заклиний и убедительных просьб О.Бонесаны, войско держалось вместе в

⁶¹ L. C. T. II. str. 586.

⁶² L. C. T. II. str. 587

окрестности Жванца, угрожая измученным русской (moskiewską) войной Татарам, вступления которых в Польшу сильно опасались; и на 2 октября знатнейшие люди начали разъезжаться. О.Бонесана выплатил жалованье за весь август до половины сентября; с этого времени драгуны и пехота были распущены, а на границах стояли коронный гетьман с хоругвами, которым король велел расположиться на зимние квартиры в окрестности Днестра и оберегать границы от нападений. Они занимали собственно угол, образуемый Збручем, впадающим в Днестр возле Хотина и Жванца, где несколько лет спустя высыпаны, как сейчас увидим, валы св.Троицы. Поход этот не принес ни какой пользы; уже по отступлении от стен Каменца, войско напало на 60 янычар, отправившимся за овощами в соседний лес; половина их легла на месте, а другую с большим триумфом привели к королю. А разбойники Липки не переставали беспокоить край: в начале октября они на 200 лошадях достигли самых Поморян, где в это время находился сам Ян III, и с награбленной добычей счастливо возвратились домой, никем не обеспокоенные⁶³.

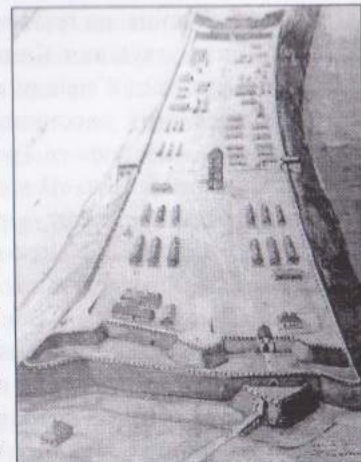
Из этого видим, что Ян III, грозный разрушитель турецкого могущества, славивши его в трех генеральных сражениях (Хотин, Вена, Яссы), совершив несколько победоносных прогулов по Валахии, не мог у тех же пораженных постоянными погромами Турок отнять ничтожной скалы, защищаемой несколькими бастионами, скалы которая однако, по мнению его современников, была ключом к южным воеводствам... Но ничего было делать, оставалось покориться злой судьбе; годы росли, с ними и отяжеление. Изящные обычаи, введенные во двор королевой, окончательно уничтожили прежние закалки мужа. А муж этот грустил и терял веру, все у него валилось из рук, хотя на вид он был довольно счастлив; край не признал его фамилии, а где-нибудь в другом месте получить власть не удалось... Было чем печалиться! А теперь дворянство досаждает Каменцем... Выхваляют, например, отвагу короля пред каким-нибудь голышем, его мужество, его знаменитые подвиги...

«А все-таки Каменца от басурман отнять не может», отвечает трусливый заяц, поглаживая локотью привязанную к боку сабельку... А между тем подобный дворянин был выразителем общественного мнения в прежней Речи Посполитой!

«А все-таки Каменца от басурман отнять не может», отвечает трусливый заяц, поглаживая локотью привязанную к боку сабельку... А между тем подобный дворянин был выразителем общественного мнения в прежней Речи Посполитой!

⁶³ L. C. T. II. str. 592.

Наконец надежда на возвращение края, потерянного Михаилом Корибутом, оставила доброго короля. Пусть же по крайней мере голодом мрут варвары, – подумал он – следствием этой мысли были окопы св.Троицы или блокады Каменца. Поднялись они быстро, в шесть недель были готовы, за работами наблюдал сам гетьман, он также и издержки на них покрывал из собственного кармана, за что получил от сейма благодарность. В половине октября 1692 года войско уже заняло укрепления к немалому удовольствию Подольского главнокомандующего Мартина Богуша, который на 20 лет опередил королевскую мысль, потому что с 1672 г. он с храброй дружиной занимал этот выстрел, окаймленный Днестром и Збручем, как ястреб высматривая добычу. Все равно было для него – попадался разбойник Липок, или Турок, конвоирующий провиант, или даже свой брат шляхтич, а то и польский поселян, который потерял надежду на возвращения города, подвозил неприятелю съестные припасы... Немедленно на месте производился суд над виновными, расправа была коротка: веревка или пуля служили если нравоучением.... Пограничная жизнь летела быстро и не было времени для разбирательств. Окопы поднялись в то время, когда окрестный люд в простонародной песне воспевал славу Мартина, когда поля Червоной Руси оглашались этой лестной для него zwrotką: «*Za pana Bogusza, wróg sie z Kamieńca nie rusza!*» (Упор.: «*За пана Богуша ворог з Кам'янца не руша!*»). Но двор и заграничная дипломатия начали говорить об осаде нашего города только после возведения окопов. Современные корреспонденции полны упоминанием об этом, – границы были бы в моде; в Европе тихо, поэтому много ожидали от того закоулка, где больше было комедии, чем действительной борьбы. Турки велись не в ожидании победы, от завоевательных тенденций они отказались давно; Поляки, с другой стороны, были уверены, что рано или поздно они возвратят Подолию, а горячились по привычке, – здесь догорали остатки польской удали. Тем не менее в каждой корреспонденции, отправляемой из Варшавы за границу, надо было хоть в приписке прицепить какую-нибудь нитинку с пограничной линии. Возмём для примера письма австрийского резидента из Варшавы Юрия Схемонского (Jerzego Schiemonsky'ego), к шурина Леопольда I, брацлавскому епископу, фальцграфу Франциску Людовику. Все они помечены 1694 годом. В них постоянно находим приблизитель-

Наконец надежда на возвращение края, потерянного Михаилом Корибутом, оставила доброго короля. Пусть же по крайней мере голодом мрут варвары, – подумал он – следствием этой мысли были окопы св.Троицы или блокады Каменца. Поднялись они быстро, в шесть недель были готовы, за работами наблюдал сам гетьман, он также и издержки на них покрывал из собственного кармана, за что получил от сейма благодарность. В половине октября 1692 года войско уже заняло укрепления к немалому удовольствию Подольского главнокомандующего Мартина Богуша, который на 20 лет опередил королевскую мысль, потому что с 1672 г. он с храброй дружиной занимал этот выстрел, окаймленный Днестром и Збручем, как ястреб высматривая добычу. Все равно было для него – попадался разбойник Липок, или Турок, конвоирующий провиант, или даже свой брат шляхтич, а то и польский поселян, который потерял надежду на возвращения города, подвозил неприятелю съестные припасы... Немедленно на месте производился суд над виновными, расправа была коротка: веревка или пуля служили если нравоучением.... Пограничная жизнь летела быстро и не было времени для разбирательств. Окопы поднялись в то время, когда окрестный люд в простонародной песне воспевал славу Мартина, когда поля Червоной Руси оглашались этой лестной для него zwrotką: «*Za pana Bogusza, wróg sie z Kamieńca nie rusza!*» (Упор.: «*За пана Богуша ворог з Кам'янца не руша!*»). Но двор и заграничная дипломатия начали говорить об осаде нашего города только после возведения окопов. Современные корреспонденции полны упоминанием об этом, – границы были бы в моде; в Европе тихо, поэтому много ожидали от того закоулка, где больше было комедии, чем действительной борьбы. Турки велись не в ожидании победы, от завоевательных тенденций они отказались давно; Поляки, с другой стороны, были уверены, что рано или поздно они возвратят Подолию, а горячились по привычке, – здесь догорали остатки польской удали. Тем не менее в каждой корреспонденции, отправляемой из Варшавы за границу, надо было хоть в приписке прицепить какую-нибудь нитинку с пограничной линии. Возмём для примера письма австрийского резидента из Варшавы Юрия Схемонского (Jerzego Schiemonsky'ego), к шурина Леопольда I, брацлавскому епископу, фальцграфу Франциску Людовику. Все они помечены 1694 годом. В них постоянно находим приблизитель-

но такие сообщения: на границе глухо, беспрестанная тревога, постоянно ожидают Татар, идущих в Каменец с провиантом и имеют их на примете. В Каменце умирают с голоду, несколько дней терпения и в гарнизоне распространится бунт, восстание, – тогда наши легко завладеют городом. Тем временем из окопов св.Троицы под старой Петредавой производятся беспрестанные вылазки. «В воскресенье в день Сошетсвия св.Духа, – пишет австрийский резидент, – генерал Брандт с конницей из укреплений св.Троицы, явился под Каменцем: забрал лошадей и скот, взял в плен 20 Липков, а когда янычары выскочили из крепости на помощь своим, загнал их под самые пушки, 10 Турок убил и 20 схватил, а сам без значительно урона возвратился в укрепления»⁶⁴. В письмах постоянные упоминания о сборе Татарских сил, в нескольких словах и поездке Палия с 3000 польских казаков под Очаков, увенчавшейся успехом – и ничего больше. Только в конце октября победа! Это известное отняtie Турок у турок провианта под Устьем⁶⁵. Но это единственная большая победа, одержавшая войском, собранным в укреплениях св.Троицы. С того времени началась партизанская война, совершенно такая, какую чрез лет 20 вел Богуш.

После смерти Яна III, Август II вместе с короной принимает обязательство отнять Каменец и Подолию; поход его однако был несчастлив и не заслуживает упоминания, хоть пред его началом велено было выбить медаль в честь победы над Турками. Каменец вымирал голодом, а не поддавался, только на основании карловичского трактата, заключенного 26 января 1699 г. за посредничеством России, Англии и Голандских Штатов, Турки обещали до 15 мая оставить главный город Подолии и возвратить его Речи Посполитой, вместе с раньше захваченным краем. Вышли из города 22 сентября. Имеем под руками очень любопытную рукопись, касающуюся этого радостного времени, описанного свидетелем-очевидцем; пользуясь этой рукописью мы уверены, что читатель прочтет приведенный ниже отрывок с истинным удовольствием⁶⁶.

Когда 21 сентября, в Каменец пришла весть о том, что наши отдали все занятые ими в Валахии крепости, турецкие жители польского города вышли на Подзамче и там расположились лагерем, в замке остались старшина и войско. Здесь нужно прибавить, что Турки заблаговременно стянули *praesidia* (упор.: *силы*) из некоторых местечек (Меджибожа, Шаргорода и Бара) и, что получше из крепостного оружия (пушки, гаубицы), – еще в

⁶⁴ L. C. T. II. str. 375.

⁶⁵ Patrz: Uście nad Dniestrem.

⁶⁶ Miscellanea ks. Romualda Bohgdanowicza z lat 1698-1701, rękopis in 4 opramiony w pergamin jest prywatną własnością. Obszerniej o tém wszystkiém patrz Opowiadania nowe historyczne (Lwów 1878 r.) a mianowicie Pod Krzyżem; na gawęde rzeczona złożyły się nowe źródła, których nie mieliśmy jeszcze układając niniejsze dziełko.

мае перевезено в Хотин, а оттуда в глубину Оттоманского царства⁶⁷. Наши стали немного дальше от кавалерии пехотой под начальством назначенных для принятия города комиссариатов, а во главе их был киевский воевода Мартин Контский; дело происходило в понедельник, в день св.Матфея. Во вторник (22) с рассветом польское войско начало собираться к турецкому лагерю и стенам крепости; тогда одновременно вышли: замковыми воротами больше 200 Липков, а Русскими – отряд янычар, составлявших гарнизон города. Вскоре затем в замковых воротах показалась новая колонна Липков (300 человек), принадлежавшая к свите турецкого коменданта; за ней выступал Ибрагим-паша, валашский господарь и наконец сам паша каменецкий, окруженный 12 приближенными телохранителями, которые были вооружены янычарскими ружьями; ехал он на плохой косматой лошади и ему вторили звуки хриплой, выражающей веселости, музыки. Вместе с пашой вышел из города последний отряд, состоявший из 100 человек, также при звуках музыки, маршируя в тесной шеренге. Липки вошли в турецкий лагерь, имеющий вид города, а паша, сам, с немногочисленной свитой начал приближаться к едущим ему навстречу комиссарам. Настали церемониальные поздравления, которые начал каменецкий паша – «и было этих поклонов по несколько, пока не съехались близко и не поздоровались. Потом комиссары были приглашены в приготовленный Тайвань (палатку); когда уселись, паша поздравил с миром, чем и ему ответили, за тем, отдавши варений, кофе и шербету и понохав курения, приступили...к делу.» Сначала показано собственноручное повеление («ордер») Султана так требует закон, предписывающее коменданту возвращение крепости Речи Посполитой; потом рассмотрены квитанции с очищениям валашских крепостей и наконец прочитан, выданный польскими комиссарами, документ, свидетельствующий о принятии Каменца. После окончания этого пересмотра бумаг, паша сказал: «мы взяли Каменец рыцарей, рыцарски им владели и возвращаем его рыцарски». А Ибрагим-паша прибавил: «Бог велит нам отдать Вам Каменец». При этом янычар Ага отдал ключи от городских ворот, а киевский воевода, сняв с пальца красивый брильянтовый перстень дал каменецкому паше на память; со своей стороны Ага подарил несколько пленных и освободил от службы своего переводчика армянина Стефана, чтобы он мог остаться в Каменце. Немедленно после прощания Турки двинулись к Днестру, а комиссары, назначив людей на *praesidium* (упор.: *посади, силы*) в Каменце и учредить там караулы, сами возвратились в лагерь. На прощание каменецкий паша предостерегал наших, чтобы *inquirant*, нет-ли где чего

⁶⁷ (Лентовский (Według Łętowskiego) говорит, что они вывезли из Каменца 148 медных пушек, 122 чугунных и 22 бомбард; все это пошло на укрепления Бендер и Аккерман).

не подложенного; наши были осторожны и нашли много пороха в печах, изразцах, а также и в трубах, между кирпичами. Потом началась очистка костелов, которую Богданович описует следующим образом: «Викарный епископ кс.Длужевский, как администратор *sede vacante* (упор.: *вільне місце*) камянецкого епископства, в тот же день с нескольких ксендзами *assinxit se emundationi* кафедрального костела и кладбища. На кладбище было до 200 памятников.

Первыми низвергнуты самые великолепные: «паши и янычары, потом той же участи подвернулись и все остальные, а кости на следующий день вывезли за город; эта работа заняла всего среду (23), потому что кс. Администратор, на колонне, сделанной Турками из тесаного камня, поставил статус Девы Марии *cum Corona duodecim stellarum* (упор.: *з 12-зірковою короною*), имеющую под ногами луну и триумфальный знак св.креста. В костеле устроил *pro interim* (упор.: *всередині*) алтарь из досок и разукрашен живописно. В четверг 24-го Хелмский викарий начал с посвящения кафедрального костела. Во время этой церемонии прошло нечто удивительное: после первого окропления свяченой водой одного угла, яблоня, выросшая была из под стены, зацвела на половину»... После третьей процессии, совершаемой обыкновенно в таких случаях вокруг храма, всё дерево покрылось цветами, хотя, по свидетельству живущих в городе армян, оставалось сухим в продолжении 27-летней неволи... «В пятницу, т.е. 25-го того же месяца (упор.: *25 вересня*), было благодарственное торжество Богу за отнятие Каменца и мир. Заправитель торжества был камянецкий администратор *pontificaliter* кс. Викарий Хелмский; он же с турецкого амвона (в доминиканском костёле) сказал довольно хорошую проповедь, потому что очень *auditora miscabant gaudia nus Lachrymis* (упор.: *великі аудиторні радості зі слізьми*). Пред началом литургии и *Te Deum laudamus* (упор.: *тебе, Бога, хвалимо, прославляємо*), кс. Фрикачч (X.Frykacz) *iesum* (езуит) прогуливаясь в саду (который назначен был киевским воеводой для монашек), набрел на куст распустившейся розы центифолии; сорвав с него два прекрасных цвета, принес в костел и предложил кс.Викарию»... Оттуда произошли очень счастливые для Каменца предсказания, что он нигде никогда не будет в руках неверных, что, как те розы зацвели в необе(ы)кновенное время, так зацветет мир (так же может быть необе(ы)кновенным) (в Речи Посполитой и слава её заблестит алой краской *septifolii* и т.д. По поводу подарка кс. Фрикачча явилось еще много славных предсказаний, которым, как нам известно, сужено было сбыться.

«Во время процессии «*Te Deum*», (пер. – *з Богом*) стреляли из ружей и пушек по направлению к Днестру, чтобы этим победным туманом обновить *Cordolia* (упор.: *духовне переживання*) басурманов, которые плакали и стонали от того, что приходилось расставаться с Каменцем: некоторые

из них здесь родились и выросли, а в Турцию влезали, как в чужую землю. Сам паша, выежая из камянецких ворот, сказал: «пусть бы лучше прежде вошли сюда по моей голове, чем мне теперь уступать». Наши успели еще видеть последнее турецкое богослужение в кафедральном костеле: вывешена магометанская хоругва, очень богатая, шитая золотом и усаженная дорогими камнями и перлами (стоимости, как они говорили, в 80.000 левов; ее оставил сам султан в память своего посещения мечети); наш пленник спускал ее сверху и отрезывал, а когда она упала на хорошо устланный пол, все с плачем целовали, начиная от паши, до самого меньшого, все *certatim* *assuttebant*, потом, тщательно завернув, спрятали.

Так торжественно праздновали наши предки отнятие города. Наступавший XVIII век нашел их пирующим на развалинах... однако не принес он этому углу прежней славы...⁶⁸

ВИСНОВКИ.

Таким чином, при всій культурній і релігійній відмінності, що існувала між Польщею, Україною й Туреччиною, все ж слід усвідомити, що історичний взаємозв'язок, який формувався та встановився між ними протягом кількох віків, потребує проведення багатьох досліджень та поглиблення наших знань із тих проблем, що частково вивчені, а інші ще вимагають кропіткої роботи задля встановлення істини. Остаточні знання дадуть розуміння та усвідомлення всіх негативних і позитивних аспектів їх взаємовідносин та подальшого діалогу між етносами.

Упорядники

В.А.ЗАХАР'ЄВ, Р.В.НАГНІБІДА.

⁶⁸ Kamieniec Podolski pod władzą turecką w latach 1672-1699. Biblioteka Narodowa. Pałac Kraśiński. Mf. 0063586.